

Г. Харьковъ 20-тыхъ и 30-тыхъ годовъ *).

(По воспоминаніямъ Ф. О. Рейнгардта).

Харьковъ съ 1826 г.—Топографическій очеркъ и планъ города, каменные дома, мостовыя и освѣщеніе, базары, квартиры, образъ жизни, мѣнялы.—Ярмарки, промышленность и ремесла.—Жители: составъ населенія, нравы и обычаи, благотворительность.—Препровожденіе досужаго времени.—Извозчики.—Прислуга.—Городское управленіе.—Полиція.—Народный кредитъ.—Санитарная часть.—Народная бѣдствія.—Образованность.

Не имѣя въ виду подробной хроники г. Харькова, со времени его основанія, ограничиваюсь изложеніемъ моихъ воспоминаній со времени прибытія моего въ этотъ городъ въ 1826 году, когда мнѣ уже было 15 лѣтъ.

Въ началѣ нынѣшняго вѣка въ Харьковѣ, какъ передаютъ, считалось 8000 жителей и 10 каменныхъ домовъ и онъ былъ весьма незначительный городскъ. Открытіе университета и другихъ учебныхъ заведеній заставило переселиться многія семейства для воспитанія своихъ дѣтей въ городъ; торговля увеличилась и населеніе росло.

Я засталъ Харьковъ во время управленія губернатора Муратова, съ населеніемъ въ 15,000 и около 1,500 домовъ, изъ которыхъ, кромѣ казенныхъ, общественныхъ, лавокъ и церквей, было 37 каменныхъ. Въ началѣ 30-хъ годовъ на таблицѣ у заставы на Старо-Московской улицѣ значилось 20,000 жителей обоего пола, а въ 1837 году—23,147 душъ, каменныхъ-же домовъ 253.

*) Авторъ настоящей записки о Харьковѣ, Феликсъ Осиповичъ фонъ-Рейнгардтъ, уроженецъ г. Тавастгуса, въ Финляндіи, воспитывался въ Ревельской гимназіи и въ Харьковскомъ университетѣ (въ послѣднемъ съ 1827 года, а въ Харьковъ прибылъ въ 1826 г.). Въ Харьковѣ лекціи слушалъ по медицинѣ и въ Московскомъ университетѣ держалъ экзаменъ на магистра фармаціи, затѣмъ имѣлъ свои аптеки въ гг. Вѣлгородѣ и Корочѣ. Оставивъ фармацію, сдалъ экзамены въ Петербургскомъ университетѣ на учителя нѣмецкаго языка, а въ Харьковскомъ университетѣ на учителя исторіи и географіи. Послѣ этого, 25 лѣтъ состоялъ преподавателемъ въ г. Харьковѣ во 2-й и 3-й мужскихъ гимназіяхъ, въ 1-й женской гимназіи со времени ея основанія до своего выхода въ отставку, и, кромѣ того, былъ преподавателемъ во всѣхъ женскихъ пансіонахъ и учебныхъ заведеніяхъ Харькова, за исключеніемъ Института благородныхъ дѣвицъ. Въ настоящее время, въ качествѣ землевладѣльца, проживаетъ въ с. Сѣнномъ, Богодуховскаго уѣзда, въ своемъ имѣніи.

Ф. О., не смотря на свои старческія лѣта (75 лѣтъ отъ роду; родился въ 1812), обладаетъ свѣжей памятью, такъ что при составленіи своихъ воспоминаній не пользовался никакими записями и справками. Воспоминанія свои, какъ старый педагогъ, онъ расположилъ въ порядокъ и привелъ въ систему. Содержаніе этихъ воспоминаній относится къ двадцатымъ и тридцатымъ годамъ; но кое-что вошло сюда и изъ болѣе поздняго времени. Мы были-бы очень рады, если-бы настоящая записка подала поводъ другимъ старожиламъ г. Харькова изложить на бумагѣ свои воспоминанія о родномъ городѣ или, по крайней мѣрѣ, написать свои дополненія и поправки къ настоящей статьѣ. Въ особенности интересны были-бы записки профессоровъ, ветерановъ Харьковскаго университета, о своемъ времени.

Въ общемъ, планъ города съ 20-хъ годовъ мало измѣнился. Оставшіяся безъ значительныхъ измѣненій въ настоящихъ своихъ руслахъ рѣки Харьковъ и Лопань дѣлили, какъ и дѣлятъ, городъ естественными границами на 3 части: на Захарьковскую, Залопанскую и на центральную, между ними заключающуюся, возвышенную часть. Залопанская часть, какъ самая низменная, и теперь представляетъ во многихъ мѣстахъ остатки болотъ, о тѣхъ же временахъ и говорить нечего. Благовѣщенскій базаръ, купленный въ количествѣ 30 десятинъ у г-жи Рейнеке и находящіеся за нимъ, между Большой Панасовкой и Лопанью, Ключки, приобретенные отъ г-на Дунина для увеличенія базара, до 30-хъ годовъ составляли сплошныя болота, поросшія камышами, по коимъ съ трудомъ въ сухое время года можно было пробираться до рѣки. По Екатеринославской улицѣ мѣсто между скверами, гдѣ бассейны, умащивалось фашинникомъ и во время грязи нерѣдко съ трудомъ вытаскивались загрузшіе экипажи: такъ случилось съ экипажемъ, въ которомъ въ 1837 году ѣхала Великая Княгиня Елена Павловна. Но и Московская улица въ концѣ, къ мосту, доставляла не меньшее затрудненіе для проѣзжающихъ.

Улицы сохранили свое прежнее направленіе и свои имена, нѣкоторыя урегулированы и расширены. Но расширеніе главнымъ образомъ произошло по окраинамъ. На сѣверѣ городъ оканчивался Мироносицкою площадью, на которой по правую ея сторону въ 1826 году стоялъ уже домъ Сердюкова—тамъ былъ почтамтъ. Церковь Женъ - Мироносицъ стояла на кладбищѣ, которое простиралось съ одной стороны черезъ площадь отъ Сумской до дома Сердюкова, а съ другой, тоже отъ Сумской, противъ Института, до Мало-Сумской улицы и черезъ нее, занимаая двory купца Шестакова, Рубинштейна и Касперовыхъ. Сѣверо-восточный уголъ занимали лютеранское и католическое кладбища. Мироносицкое кладбище хотя и упразднено въ 1803 году, но похороны на немъ совершались еще въ 30-хъ годахъ, особенно на лютеранскомъ и католическомъ, а на православномъ-же въ недавнее еще время въ оградѣ похоронены о.о. Петръ Сѣбирскій и Яковъ Голыховскій. По правую сторону Нѣмецкой улицы границы города доходили до Каплуновскаго кладбища, простиравшагося съ одной стороны до яра, отдѣляющаго Технологич. Инст. отъ Благотворительнаго общества, а съ другой—за Каплуновскою церковью до мѣста, приобретеннаго городомъ отъ г-жи Сомовой для Технологич. Института. Домъ каменный по лѣвую сторону Нѣмецкой ул. бывшаго проф. Венедиктова построенъ въ 30-хъ годахъ. Все пространство за Каплуновскою церковью носило названіе Дурноляповки: стояло тамъ нѣсколько хатъ, считавшихся уже за чертою города, также, какъ и подгородняя Журавлевка. Дома нынѣшняго Благотворительнаго общества въ 20-хъ годахъ составляли кубическую каменную постройку, крытую желѣзомъ, принадлежавшую помѣщику Куликовскому. По лѣвую сторону отъ Сумской, въ концѣ Рымарской улицы, въ 20-хъ годахъ стоялъ 2-хъ этажный каменный домъ купца Тараханова, тестя Ив. Ник. Богомолова (женатъ на его дочери Екатеринѣ Николаевнѣ). Въ этомъ домѣ помѣщался пансіонъ Екат. Федор. Вирихъ. Постройка во дворѣ, гдѣ Коммерческій клубъ, воздвигнута въ 1829 году откупщикомъ Кожевниковымъ. По лѣвую сторону Сумской ул. въ 20-хъ годахъ стоялъ вчернѣ отстроенный домъ, построенный Харьковскимъ Дворянствомъ для предполагаемаго Кадетскаго Корпуса, но по открытіи такового въ Полтавѣ, въ 1829 году, передана эта постройка, съ согласія Харьк. Дворянства, для помѣщенія тамъ Института Благородн. Дѣвицъ; она составляетъ средній корпусъ, и по пристройкѣ къ нему съ обѣихъ сторонъ необходимыхъ зданій и окончательной отдѣлки въ 1839 году, Институтъ перемѣщенъ сюда съ Благовѣщенской улицы, гдѣ теперь Александровская больница. Садъ Институтскій примыкаетъ съ лѣвой стороны къ саду Коммерческаго Клуба (Кожевниковскимъ) и съ правой къ Университетскому саду, существовавшему уже въ 10-хъ годахъ и скупиленныхъ Университетомъ у разныхъ владѣльцевъ участъ-

ковъ. въ началѣ 50-хъ годовъ, при Кокоскинѣ; участокъ этого сада по Сумской ул. уступленъ на устройство Ветеринарнаго училища.

Нынѣ существующее городское православное кладбище между Старо-Кладбищенскою и Нѣмецкою улицами отведено городомъ на выгонъ по закрытіи Мироносицкаго кладбища 1803 года, хотя и похороны на послѣднемъ еще и долго продолжались, а долѣе еще на Каплуновскомъ (до 50-хъ годовъ). Изъ первыхъ переселенцевъ на новое кладбище, были кажется, умершіе отъ холеры въ 1830 году. Церковь кладбищенская воздвигнута въ 40-хъ годахъ неудачно, такъ какъ по окончаніи ея сводъ и куполъ обрушились, чуть не задавивъ выходившихъ изъ церкви людей. Благоустройствомъ кладбища и особенно правильною распланировкой и содержаніемъ его въ приличномъ видѣ, жители города обязаны много лѣтъ прослужившему его почитаемому и церковнымъ старостой Ивану Алексѣевичу Сливицкому и не менѣе, до него служившему въ этихъ должностяхъ съ усердіемъ, бывшему градскому головѣ Костюрину, который тамъ-же поконился. Старишемъ и денежными жертвами послѣдняго устроено при кладбищѣ, въ началѣ 50-хъ годовъ, Епархіальное женское училище, теперь съ обширною программой, вначалѣ же скромная элементарная школа, которой первою почитательницею была жена соборнаго протоіерея Ив. Ив. Гапонова, • Марія Дмитриевна. Кладбище въ настоящее время, переполненное и вредно вліяющее на окрестныхъ жителей, поселившихся на Нѣмецкой и Старо-Кладбищенской улицахъ, по постановленію городской думы, переданной въ комиссію, въ которой я, съ покойнымъ докторомъ Ковальчуковымъ, какъ гласный думы, участвовалъ въ 1878 году, постановлено было закрыть и отвести новое для него мѣсто, но до сихъ поръ это распоряженіе не приведено въ дѣйствіе.

По правую сторону Нѣмецкой улицы, противъ православнаго кладбища, отведено городомъ мѣсто для лютеранскаго и позади его католическаго кладбищъ въ 1828 году. Въ 1829 году пасторомъ Розенштраухомъ установлено богослуженіе и поминовеніе усопшихъ, на кладбищѣ, на 1-е мая или же на первое послѣ него воскресенье, когда погода тому способствуетъ, что съ тѣхъ поръ ежегодно повторяется съ большимъ торжествомъ.

Превосходно составленный Сергѣемъ Александровичемъ Кокоскинымъ планъ, находящійся въ городской управѣ, на устройство такъ называемыхъ Новыхъ мѣстъ за Мироносицкою церковью и площадью, отъ Сумской и до Нѣмецкой улицы, къ лютеранскому кладбищу и за онымъ, по которому весь назначенный участокъ разбитъ на правильные кварталы, образуемые параллельными улицами (линіями) и ихъ подѣ прямиымъ угломъ пересѣкающимися проспектами (подобно Васильевскому Острову въ Петерб.), остался не выполненнымъ, главнымъ образомъ, потому, что большая часть мѣста принадлежала частнымъ владѣльцамъ, о чемъ, при составленіи плана, Кокоскинъ не справлялся. Въ 60-хъ годахъ городская дума, разбивъ на участки принадлежащую городу землю за Мироносицкою церковью по Сумской улицѣ и дальше на право, распродажа таковыя по цѣнамъ весьма умѣреннымъ: отъ 50 к. до 1 р. за [] саженъ. При постройкѣ, однако, многіе изъ новыхъ владѣльцевъ, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ отступили отъ существующихъ правилъ, почему въ 1878 году назначена вышеупомянутая комиссія для урегулированія улицъ г. Харькова, для этой цѣли раздѣленного на 12 участковъ, изъ которыхъ именно этотъ участокъ, отъ Мироносицкой площади до Университетскаго сада и, съ другой стороны до Журавлевки, пришелся на мою долю, но послѣ смерти Ковальчукова, председательствовавшего въ комиссіи, и моимъ выбитіемъ изъ Харькова, дѣйствія комиссіи прекратились.

Подробно описавъ окрину города съ сѣверной стороны, насколько это сохранилось въ моей памяти, перехожу дальше къ описанію города: именно Театральной площади. Тамъ, гдѣ теперь Дѣтскій пріютъ, стоялъ театръ, довольно помѣстительный, деревянный, между столбами плетенный и обмазанный глиною, но отслужившій свою службу до половины 30-хъ годовъ, когда Млат-

ковскій, тестъ Дюкова, построилъ нынѣшній каменный. Антрепренеромъ стараго театра былъ Ив. Фед. Штейнъ, балетмейстеръ съ 1816 г., а послѣ него Млатковскій, актеръ въ труппѣ Штейна, женатый на Островской. Не мало талантовъ развила Харьковская сцена. Многіе изъ нихъ впоследствии украсили собою сцены обѣихъ столицъ. Изъ артистовъ того времени памяти Бабанины, мужъ и жена, Рыбаковъ, Лавровъ, Максимовъ, Млатковскій, Пронскій, Микульская, Ладина, Соленикъ, Виноградова и особенно Щепкинъ.

Изъ каменныхъ домовъ въ 1826 году засталъ я: въ 1-й части за Харьковомъ, по Старо-Моск. ул. угольный у заставы домъ, гдѣ въ 1830 г. былъ помѣщенъ холерный карантинъ, потомъ трактиръ; у Харьк. моста домъ Янковскаго, въ которомъ въ 28 году открыта аптека Нельдихена.

Во 2-й части: по Московской отъ моста направо: угольный, гдѣ гостиница „Вѣна“, домъ Варварки, въ настоящее время увеличенный и измѣненный фасадомъ; по лѣвую сторону, на углу Московской и Рыбной, небольшой домъ Елисаветки (кажется Долгополовой), теперь Водошнянова, гдѣ аптечный магазинъ. Направо домъ Тарасова, мало измѣнившійся, съ нумерами для прѣзжающихъ въ верхнемъ этажѣ; домъ губернской гимназіи, гдѣ оптический магазинъ Эдельберга, и на томъ же дворѣ съ Николаевской ул. Уѣздное училище.

Угольный домъ на Слесарскомъ переулкѣ, не доходя гимназіи, профессора музыки Харьк. унив. Витковского, съ магазиномъ нотъ и муз. инструментовъ и проч. За домомъ Замятина, деревянный 2-хъ этажный домъ съ крутою, деревянною, открытою лѣстницею съ улицы на 2-й этажъ аптека Бронгардта.

Угольный, противъ Витковского, каменный домъ, гдѣ часовые мастера Кальтенбахъ, потомъ Викласъ и Реймерсъ имѣли магазины.

Съ лѣвой стороны, отъ моста, за домомъ Чистякова, домъ, въ которомъ теперь аптека Коха, а въ то время кондитеръ Карове, и уголъ кондитерской (гдѣ аптека) занимала прѣхавшая изъ Парижа модистка М-зель Rosalie, вышедшая въ 1830 году за брилліанщика Ив. Ив. Гельмъ, въ прошломъ году скончавшаяся 85 лѣтъ.

Домъ Грановскаго на углу къ площади, въ немъ на 2-мъ этажѣ жили брилліанщики Гельмъ и фортобянщикъ Бекъ.

Вотъ и всѣ каменные дома на Московской; остальные—деревянные, крытые тесомъ и нѣкоторые соломою. Улица, какъ и всѣ была не мощена, только тротуары деревянные. Харьковскій мостъ, до постройки теперешняго, былъ нѣсколько ниже и направленъ на Рыбную, чему служатъ доказательствомъ оставшіеся концы свай. По набережной къ рѣкѣ помѣщались кузни и напротивъ ихъ небольшой 2-хъ этажный каменный домъ сапожника Гальбауэра.

На Рыбной ул. съ лѣвой стороны два каменныхъ дома Мясоѣдой и Савельева съ постоянными дворами и за Троицкою церковью домъ мѣщанина Мих. Вас. Морозова. По правую сторону угольный домъ, противъ Волжско-Кам. банка, Цонина, тогда знаменитый трактиръ Шерыкина. Улица также не мощеная и болѣею частию безъ тротуаровъ. Большая часть деревянныхъ домовъ—хаты, крытыя соломою, также какъ по Николаевской, Мѣщанской и Вѣгородской улицахъ.

По Садово-Куликовской ул. домъ Куликовского, теперь Благотворительнаго общества.

По Нѣмецкой ул.: домъ Заруднаго (теперь синагога); въ 1826 г. въ немъ помѣщался аристократическій мужск. пансіонъ профессора Мих. Робушъ, а въ 50-хъ годахъ женскій—Антонины Мих. Ивановой, къ которой пансіонъ перешелъ отъ Анны Вас. Евреиновой.

На Инструментальномъ переулкѣ: домъ купца (кожевенными товарами) Ив. Вас. Животовскаго, теперь Егора Фед. Лертцера, женатаго на его сестрѣ. Въ этомъ домѣ помѣщался мужской пансіонъ учит. Харьк. уѣздн. училища Ефима Аким. Зимницкаго. Напротивъ этого дома—домъ купца Верховскаго.

На Театральной площади, кромѣ театра (теперь Дѣтскаго пріюта) Провантскій магазинъ, которымъ до начала 30-хъ годовъ завѣдывалъ Диста-

ночный комиссіонеръ Дельсаль, а по его смерти переведенный изъ Лимана Павелъ Петровичъ Тарановскій. Лютеранская и Католическая церкви построены только въ 1830 году, а въ 40-хъ годахъ домъ Лаптева, теперь Рубинштейна, квартира г. Губернатора. Домъ, бывшій полиціимейстера Лавровскаго, одноэтажный, гдѣ долго помѣщалась мастерская италіянца Франсони.

На Сумской справа домъ майора Данейковича (теперь бар. Розентъ), женатаго на дочери Козьм. Ник. Кузина, на свадьбѣ котораго, въ числѣ приглашенныхъ въ 1828 году въ гостиницѣ Мотузкина, я отплясывалъ. Домъ Куликова (въ 30-хъ годахъ), гдѣ съ 1833 года аптека Сартиссона, и возлѣ Николаевской церкви домъ Кузина, гдѣ Вѣнскій магазинъ. Противъ церкви, загораживая площадь, стояла безобразная колокольня, которая сломана въ 50-хъ годахъ; слѣва противъ теперешняго театра домъ и кондитерская Карове, переведенная съ Московской ул.*). Домъ поступилъ въ приданое учителю гимназіи Редеру, женившемуся на падчерицѣ Карове, Маріи Маркусъ. Проданъ купцу Нехорошеву, теперь Бразоль.

На Рымарской домъ Урюпина по правую сторону отъ полиціи и Таранова въ концѣ, по лѣвую сторону, гдѣ Коммерческій клубъ.

На Николаевской площади: полицейскій домъ, домъ Дворянскаго Соборанія, домъ Мухина одноэтажный, гдѣ „Астраханская Гостинница“, домъ Щелкова, теперь Германа, домъ Сонкина, домъ Матузкина, главная Харьковская гостинница.

По Соборному переулку къ этому дому примыкали, какъ и теперь, сапожныя лавки, изъ которыхъ первая (Яковлева) принадлежала Ив. Вас. Живоному; угольная противъ собора—бакалейная—Вогомоллова. Соборъ съ трехъ сторонъ обстроенъ деревянными лавками, которыя въ недавнее время, за исключеніемъ нѣсколькихъ, снесены и замѣщены прекрасною оградой съ часовнею. Гостинный дворъ хотя и остался въ тѣхъ же размѣрахъ, но прежнія лавки, частью деревянные, преобразовались въ теплые магазины. Гуртовыя лавки приѣзжихъ краснорядцевъ сосредоточивались въ Карповскомъ ряду, мрачномъ, съ извилистымъ ходомъ пассажѣ на Монастырскомъ переулкѣ, гдѣ и теперь находятся. Монастырь Покровскій съ архіерейскимъ домомъ, Консисторія и прочія при ней постройки остались мало измѣненныя. Коллегиумъ и убогое духовное училище помѣстились въ томъ же домѣ, гдѣ и теперь, но въ весьма жалкомъ видѣ на горѣ за полиціею. Семинарія на Холодной горѣ построена въ 40-хъ годахъ. Нынѣшняя Ключковская улица именовалась Пески, хотя таковыя и начинались съ Университетскаго сада, а отъ начала, отъ угла Пашенкова-Трякина, весной и осенью отличались невыпазною грязью до единственнаго тамъ каменнаго дома содержательницы пансіона m-me Pradlat, по первому мужу de-Javigne, потомъ пансіонъ Сокальской, теперь пансіонъ мадамъ Филиппъ, домъ во дворѣ.

Возвращаясь къ Успенскому собору, котораго колокольню я засталъ недавно оконченной. Противъ собора, обращенное къ нему полудугою, стояло прежнее строеніе присутственныхъ мѣстъ, какъ прежде сказано. Затѣмъ, университетскія зданія съ правой стороны и внизъ, до кругленькаго трактира, башни, гдѣ теперь обсерваторія. Съ лѣвой стороны церковь университетская и торжественный залъ. Уголь, гдѣ помѣщаются въ настоящее время Акушерская и Хирургическая клиники, принадлежалъ городу, а тамъ находились городское и полицейское управленія.

По Горяновскому переулку по обѣимъ сторонамъ тѣ-же ярмарочныя ряды, съ невообразимо неудобными входами въ лавки, принадлежащія большею частію съ лѣвой стороны купцу Горянову, на дочери котораго былъ женатъ Клейнъ, къ которому и перешли нѣкоторыя до Торговой площади, гдѣ и теперь лавки съ желѣзнымъ товаромъ. Угольная съ конца 20-хъ годовъ до 70-хъ принадлежала купцу Алексѣю Степановичу Кочетову, который до 30-го года велъ весьма скромную торговлю мелочную, потомъ,

*) До перевода кондитерской, въ этомъ домѣ помѣщалась аптека Нейбейзера, проданная Сартиссону.

видимо разбогатѣлъ и обанкрутился; впрочемъ, не онъ, а сыновья, какъ и вообще у большей части старыхъ фирмъ Харьковскихъ, которыя дѣла свои вели солидно, какъ Ханайченковы, Павловы и мало-ли еще кто.

На Торговой площади домъ Ломакина, гдѣ городской купеч. банкъ, и гдѣ останавливались Высочайшія особы, а въ 1828 году, прѣбывавшій на ревизію сенаторъ Горголи нѣсколько мѣсяцевъ въ немъ квартировалъ. Далѣе, по той же сторонѣ, на углу Университетской улицы у знаменитаго Каменнаго столба, и теперь еще сохранившася, домъ купца Акіма Писевича Павлова. Одинъ изъ немногихъ въ Харьковѣ старинныхъ домовъ, который мало измѣнилъ свою физіономію. Онъ и тогда былъ постояннымъ дворомъ съ нумерами для прѣзжающихъ. Въ нижнемъ этажѣ было приятное заведеніе, мучная и черная лавка. Трудолобіемъ и честностію этого старобрядецъ составлялъ себѣ огромный капиталъ, уваличенный еще сыновьями его, особенно Егоромъ Акимовичемъ, которые послѣ смерти подъ фирмою матери своей увеличили торговлю, переводя ее въ выстроенный ими въ 30-хъ годахъ черезъ площадь, на углу Университетской улицы, магазинъ, состоящій изъ 3-хъ отдѣловъ, изъ которыхъ угловой бакалейный, 2-й и 3-й мучной и черныхъ товаровъ. Торговля эта замѣчательна особенно тѣмъ, что она первая установила цѣны безъ запроса и торга и безъ зыва покупателей. Какъ великъ былъ оборотъ ея—не знаю, но смѣло утверждаю, что въ столпнахъ подобной раздробной торговли я не встрѣчалъ. Магазинъ съ утра до вечера полонъ покупателей, а подъ праздники, особенно Рождества и Свѣтлаго Христова Воскресенія, не дотолпишься. Выжидали покупатели терпѣливо своей очереди. Множество, въ каждомъ отдѣленіи, молодцовъ (прикащиковъ) едва успѣвали каждому удовлетворить. Конечно, при такой суетѣ немудрено, что часто и обсчитывались въ сдачѣ, но никогда никого не обсчитывали. Я много знаю тому примѣровъ. Мнѣ случилось однажды при покупкѣ на 10 р. изъ 50 р. получить сдачи мелочью тѣже 50 р. Насилу убѣдилъ я хозяина, стоящаго у кассы, что онъ ошибся. Онъ даже обидѣлся сначала и съ неудовольствіемъ согласился взять обратно 10 р. Директоръ 2-й гимназіи Красовскій при мнѣ послалъ солдата размѣнять 100 рублевую бумажку у Павлова и тотъ принесъ туже бумажку и еще 100 р. Конечно, бумажка тутъ же съ запискою была отослана обратно. Но такіе случаи не мѣшали Павловымъ богатѣть и-зо-дня въ день. На площади, на болотистой набережной Лопани воздвигли Павловы громадный домъ въ 3 этажа, обнимающій съ своими пристройками цѣлый кварталъ (нынѣшнюю Европейскую гостиницу), теперь принадлежащій Обществу прикащиковъ. Домъ этотъ построенъ въ концѣ 30-хъ годовъ на сваяхъ; и чуть-ли не болѣе капитала уложено на утвержденіе фундамента, чѣмъ въ самую постройку дома. Внуки почтеннаго Акіма Писевича успѣли справиться съ этимъ богатствомъ.

3-я Залопанская часть въ 1826 году мало отличалась отъ деревни. Только въ началѣ за мостомъ и по правую сторону набережной и на Рождественскомъ переулкѣ стояло нѣсколько каменныхъ зданій, именно:

На Екатеринославской улицѣ домъ Познанскаго одно-этажный небольшой, по лѣвую сторону, гдѣ Греческая гостиница, внослѣдствіи Масловича; тогда въ немъ жилъ столяръ Грубе. По правую сторону рядомъ два дома, изъ которыхъ первый домъ Решитъки, второй, гдѣ кондитерская Эммериха (Дирберга). За нимъ домъ аптекаря Григорія Григорьевича Фидлера, построенный въ 1828 году и аптека переведена туда въ 1829 году. Теперь домъ и аптека Егорьева, Александра Михайловича, перешедшая къ нему по наслѣдству отъ дяди его Оттона Карловича Фрейндлинга, умершаго въ 1863 году. Противъ Аптеки во дворѣ деревянный домъ Космы Никитича Кузина, выходящій на площадь противъ церкви Рождества.

На Рождественскомъ переулкѣ противъ церкви рядомъ 2 небольшихъ каменныхъ дома (теперь Рогожина Федора Филипповича) принадлежали Григ. Григ. Фидлеру и во второмъ изъ нихъ до 1829 года была аптека. Далѣе, по Екатеринославской ул., по лѣвую сторону одно-этажный домъ Коровина, въ 1828 году, въ послѣдствіи протоіерея Гапонова, рядомъ съ угольнымъ къ

Дмитріевской улицѣ домомъ деревяннымъ Шарапова. На право, на церковномъ дворѣ домъ церковный.

По Арестантской площади—острогъ, огражденный полисадомъ, т.е. сверху заостренными, аршина въ 4, восторчъ поставленными столбами; у подножія Холодной горы—застава, обозначенная двумя столбами, какъ и на Старо-Московской. За исключеніемъ немногихъ порядочныхъ деревянныхъ домовъ, Екатеринославская улица по обѣ стороны застроена хатами подъ соломенными крышами и на мѣстѣ теперешняго сквера и бассейна, было болото, которое умачивалось фашинникомъ. О мостовыхъ въ 1826 году, и долге еще послѣ, не было и помину.

На набережной Лопани—домъ съ мезониномъ професс. докт. мед. Якова Никитича Громова; угольное мѣсто къ Благовѣщенскому базару, гдѣ складъ лѣсной, занято было деревяннымъ домомъ, который вмѣстѣ съ каменнымъ возлѣ него, въ послѣдствіи манежомъ, принадлежалъ университету. Тамъ помѣщались Хирургическая клиника и Анатомическій театр. Рядомъ съ клинкою противъ церкви Благовѣщенія домъ каменный содержательницы женскаго пансіона Анны Ивановны Нагель, матери Наталіи Ивановны фонъ-Меттеркамъ, которая продолжала послѣ ея смерти содержаніе пансіона въ построенномъ на Ярославской улицѣ собственномъ домѣ, продавши домъ на Благовѣщенской площади 2-й гимназіи въ концѣ 30-хъ годовъ. Институтъ благородныхъ дѣвицъ помѣщался до 1839 года въ деревянныхъ зданіяхъ на мѣстѣ, гдѣ теперь Александровская больница.

На углу Благовѣщенской и Дмитріевской улицъ—каменный домъ и флигель Министера, въ послѣдствіи графини Генриковой, тещи Николая Петровича Красовскаго, директора 2-й гимназіи.

За исключеніемъ Сумской улицы и Театральной площади, которыя песчаны, всѣ улицы Харькова, особенно въ нижнихъ частяхъ, весною и осенью отличались вязкою грязью и были плохо по вечерамъ освѣщаемы тусклымъ свѣтомъ фонарей съ конопляннымъ масломъ; мостовыхъ, какъ я уже говорилъ, не было, а троттуары деревянные, мѣстами плохіе, украшали болѣе оживленные улицы. Торговля жизненными продуктами производилась преимущественно на Павловской площади и на Рыбномъ базарѣ, гдѣ теперь рыбныя лавки у Нечеческаго моста, затѣмъ и около церкви Благовѣщенія, гдѣ толкучка; тамъ на землѣ располагались торговки съ зеленью, овощами и фруктами. Зеленъ и овощи на базарѣ продавались самыя обыкновенныя, какъ то: картофель, капуста, бурякъ, лукъ, морковь, петрушка, постернакъ и огурцы. Болѣе утонченными: селдереємъ, пореемъ, салатомъ, шпинатомъ, брюквой, рѣпой, редисомъ, сахарн. горохомъ, спаржею и цвѣт. капустою и проч. снабжались жители изъ сада Тараканова на Пескахъ, или отъ окрестныхъ помѣщиковъ. Кое гдѣ въ безпорядкѣ разбросаны безобразныя будки, крытыя рогожею или лубкомъ, въ которыхъ торговали мясомъ и проч. Позади ихъ стояли возы съ дровами и сѣномъ. Кузинскій рядъ и Суздальскій построены только въ 40-хъ годахъ и мѣсто за ними составляло болото. Печенымъ хлѣбомъ, булками базарными и особенно бубликами и горячими пирогами съ разною начинкою, особенно печенкою, Харьковскія торговки отличались и, предлагая послѣдніе, на ходу выкликавали „пирогъ, горячіе, пирогъ“. Фруктами базары были завалены. Лучшіе арбузы стоили 2—3 коп. ассигн.=1 к. сер., среднія по 1 к., меньшія 2 за 1 к. асс. на взрѣзъ. Дыни еще дешевле. Яблоки и груши хорошихъ сортовъ до 5 коп. асс. за десятокъ, а вишни, черешни и сливы отъ 15—25 к. асс. за ведро. Мука ржаная за четверть 2 р. 50 к. асс., овесъ 80 к., 1 р. асс. (На постояломъ дворѣ я платилъ въ 1827 году по 10 к. за мѣру). Сѣна степнаго въ 1830 году прислали мнѣ изъ деревни 10 воловыхъ воевъ, не менѣе какъ по 40 пудовъ, и я ихъ съ трудомъ могъ продать по 3 р. асс. за возъ на Благовѣщенскомъ базарѣ, а то давали все 2 р. 50 к. Дрова хорошія дубовыя за воловый возъ 50—60 к. асс., что составляетъ за 10 воевъ=1 саж. отъ 5—6 р. ассигнаціи. Говядина хорошая 5—6 к. асс., а

низший сортъ 3—4 к. за фунтъ; баранину никто на фунты не покупалъ, а тушею или $\frac{1}{2}$ туши. Она была дешевле говядины и составляла тогда главную пищу малороссіянъ. Сало говяжье до 8 р. асс. за п. Кожи воловья въ такой-же цѣнѣ. Рыбу соленую привозили чумаки и продавали ее дешево. Свѣжей рыбы и раковъ въ базарные дни много и дешево. Икра паюсная 50—60 к. асс. за фунтъ.

Жизнь въ Харьковѣ въ 20-хъ и 30-хъ годахъ вообще была не дорога. За квартиру со столомъ съ товарищемъ вдвоемъ въ одной комнатѣ, съ хозяйскою топкою, у Рѣшитниковой, въ переулкѣ съ Нѣмецкой на Мѣщанскую, теперь домъ Полюты, платили мы по 10 р. асс. въ мѣсяцъ, за сытный обѣдъ, утромъ и вечеромъ по большой кружкѣ цѣльнаго молока съ порядочнымъ ломтемъ базарной булки. Въ болѣе отдаленныхъ отъ центра города мѣстностяхъ можно было имѣть квартиру и дешевле. У Авдотьи Фроловны Черняевой, въ началѣ Чеботарской, платилъ я тоже 10 р. за комнату со столомъ. Въ гостиницахъ, какъ у Мотузка, лучшей въ городѣ (на Николаевской площади, теперь городской домъ) въ сутки за номеръ съ деревянною простою мебелью (мягкая тогда еще не была въ модѣ, много, если на стульяхъ или диванахъ твердыя мочаломъ набитыя подушки, обитыя кожею или клеенкой) платили по 50 к. асс., а въ ярмарочное время по 1 р. асс.; на постоялыхъ, какъ у Павлова у столба, Тарасова на Московской, Мясоѣдовой и Савельева на Рыбной—по 30 к. до 60 к. асс. съ 2-мя самоварами въ день.

Роскошь въ то время не была развита въ среднемъ классѣ и въ кругу купечества. Требования, при простотѣ жизни, были умѣренны—довольствовались малымъ. Образъ жизни жителей Харькова отличался строгою нравственностію, религіозностію, трудолюбіемъ, сознаніемъ долга, почитаніемъ старшихъ и безусловнымъ повиновеніемъ имъ, какъ по службѣ, такъ и въ семьѣ. Гостепріимство—общая черта того времени. Духъ вольнодумства, либерализма, нигилизма и социализма, вѣяніе съ запада, не успѣлъ тогда еще коснуться Харькова. Для примѣра простоты жизни, дѣятельности, честности и прочихъ упомянутыхъ хорошихъ качествъ, развитыхъ въ особенности въ купечествѣ тогдашняго времени, выставлю именитаго тогда краснорядца Алексѣя Ханайченка, лавка котораго находилась въ гостиниѣ дворѣ противъ присутственныхъ мѣстъ.

Два взрослыхъ уже въ то время (въ 1827 году), лѣтъ за 20, сына его помогали отцу въ торговлѣ: Иванъ и Николай Алексѣевичи. Старикъ въ синемъ суконномъ долгополомъ сюртукѣ, сыновья въ таковыхъ-же нанковыхъ, молодцы (приказчики) въ полосатыхъ пестрядевыхъ халатахъ. Отецъ мой, остановившійся на Московской улицѣ въ домѣ Тарасова, сдѣлалъ въ лавкѣ Ханайченко, для казны значительную, въ нѣсколько тысячъ рублей, покупку, которую изъ лавки перевезли къ намъ на квартиру. Ив. и Ник. Алексѣевичи, какъ простые работники, вмѣстѣ съ молодцами, втаскивали тяжелые тюки на 2-й этажъ, гдѣ отецъ мой уже, провѣривъ и принявъ товаръ, съ ними расчитался. Одну нехорошую черту, общую у всѣхъ торговцевъ того времени и долго еще сохранившуюся, нужно однако отмѣтить, это—запрашивание, часто двойной цѣны, стоимости за товаръ; но это не мѣшало дѣлать уступки до возможности. Таковъ былъ обычай и никто этимъ не обижался. А такъ-же и назойливость, съ какою молодцы каждаго проходящаго зазывали, даже затягивали въ лавку, насчитывая разные свои товары и достоинства, и преимущество.

Сколько помню, Павловы впервые въ Харьковѣ, какъ уже сказано, показали хорошій примѣръ, устранивъ запросъ и зазываніе.

Какъ образчикъ понятій о честности того времени (20-хъ годовъ) особенно въ купечествѣ, можетъ послужить эпизодъ, переданный мнѣ людьми почтенными и достойными довѣрія. Положимъ, что онъ имѣлъ мѣсто въ Бѣлгородѣ, но купечество Бѣлгородское вмѣстѣ съ тѣмъ было, по близости, и Харьковское. Одинъ изъ трехъ братьевъ Сорокиныхъ, имя котораго не припомню, холостой старикъ, умирая, завѣщалъ все свое движимое и недвижимо-

мое имущество въ пользу казны. Наличными деньгами и документами оказалось одинъ миллионъ рублей. Соблюдая интересъ казны, немедленно послѣ смерти Сорокина появились власти судебныя: стряпчій, городничій и проч. съ понятыми. Начался разборъ бумагъ покойнаго, изъ которыхъ откладывались документы, имѣвшіе законное достоинство, а не имѣющие такового, залиски и другія бумаги, отбрасывались какъ ненужный хламъ. Между прочимъ попадаетъ записка на клочкѣ, карандашемъ, слѣдующаго содержания: „взялъ я у ЖЖ Сорокина 40,000 руб. на Коренную ярмарку. Коротковъ“, безъ означенія числа и года и безъ всякаго обязательства. Понятно, что такая записка, ничего не доказывающая, бросается къ прочему хламу. Но на это, стоявшій тутъ въ числѣ понятыхъ, купецъ Коротковъ, останавливается стряпчача словами: „Что-же ты, ваше благородіе, документецъ-то мой бросаешь, аль не горько? Погоди маненько, сей-часъ принесу. Не срами мое имя, документецъ-то выдалъ я“. Пошелъ и принесъ деньги сполна.

Какъ упорно держалось купечество того времени принятаго обычая не выдавать своихъ дочерей иначе, какъ за купца-же или излюбленнаго прикащика, приведемъ примѣръ изъ того-же Бѣлгорода: къ одной изъ дочерей извѣстнаго богача, миллионера, Николая Ивановича Чумичева, присватывается поручикъ Тверскаго драгунскаго полка, стоявшаго въ Бѣлгородѣ, Оп...ъ. Дочь Н. И. была къ нему не равнодушна. Поручикъ дѣлаетъ формальное предложеніе, письменно обращаясь къ Н. И., прося руки его дочери. На это послѣдовалъ отвѣтъ всѣмъ въ губерніи извѣстнаго богача, потомственнаго почетнаго гражданина, въ домъ котораго останавливались губернаторъ и даже Высочайшія Особы, человѣка не безъ образованія, слѣдующій, локанический: „Ваше благородіе! Благодаримъ за честь, но дочь моя Вамъ не чета. Знай сапогъ—сапога, а лапоть—лаптя. Вашъ покорный слуга, Н. Чумичевъ“. Не взирая на крутой свой нравъ, все-таки пришлось выдать дочь за двоюроднаго; но на это повліяла особая причина: отецъ этого новаго жениха помогъ когда-то Н. Ив. въ Петербургѣ дѣломъ и деньгами, когда этотъ начиналъ еще свою торговую дѣятельность, развитіемъ которой онъ считалъ себя обязаннымъ отцу искалца руки его дочери. Послѣдняя, сама богатая вдовушка Р...аго купца В...ва, который съ отчаянія за понесенный имъ убытокъ въ 250 тысячъ на шерсти (когда капиталу оставалось еще болѣе, чѣмъ вдвое) бросился въ Москву-рѣку и въ ея волнахъ нашелъ себѣ могилу. Ряды каменные на Торговой площади построены Чумичевымъ.

Вообще замѣчу, что простою и дѣятельною жизнью вмѣстѣ съ незапятнанною честностію и бережливостію, безъ великаго мудрствованія, Харьковскіе купцы подняли обороты свои, не вдаваясь въ невѣрные риски, до возможной высоты, и положили основаніе своему благосостоянію. Сыновья, имѣя хороший примѣръ въ своихъ отцахъ, удержали еще и даже умножили свои состоянія, но, увы, не то уже вижу на ихъ потомствахъ при полученномъ ими полуобразованіи—они потнушались столь благотворными качествами предковъ и неизбежнымъ слѣдствіемъ явилось раззореніе и исчезновеніе древнихъ фирмъ столбоваго купечества. О несостоятельности купцовъ, о банкротствахъ, особенно-же злостныхъ, я до 40-хъ годовъ не слыхивалъ и если кого изъ нихъ, безъ особой съ его стороны вины, и постигалъ упадокъ дѣла, то честный купецъ всегда находилъ сочувствіе и поддержку въ кругу своихъ собратьевъ. Грамотность купечества того времени была неаппальная. Каранкулами писались счета, но все записывалось, хотя и не по правиламъ бухгалтеріи простой и двойной италіанской, зато дѣла шли удовлетворительно.

Мѣнялись въ прежнія времена было несравненно болѣе теперешняго. Столы ихъ помѣщались на Николаевской и Павловской площадяхъ. Въ прежнія времена, когда разнѣрной мелкой монеты было въ обращеніи весьма не много въ сравненіи съ теперешнимъ, мѣнялы съ большою выгодой для себя занимались этою торговлею. Брала они по 2—3 коп. на рубль за промѣнъ и этимъ увеличивали лажъ до 100%. Кромѣ разнѣна денегъ они занимались покушкою щетины, пуху, перьевъ (писчихъ), маекъ (шпанскихъ

мухъ) и воиновъ. Что торговля эта была выгодна,—видимъ на разбогатѣвшемъ отъ нея Кувшинниковѣ и другихъ.

Четыре ярмарки: Троицкая, Успенская, Покровская и Крещенская, уже тогда значительныя, оживляли городъ, и кромѣ производимыхъ громаднѣхъ оборотовъ, особенно въ Крещенской и Успенской, при стеченіи массы пріѣзжихъ продавцовъ и покупателей, не мало способствовали благосостоянію жителей и разрастанію города. Да и ярмарки тогда замѣтнѣе были, чѣмъ теперь. Движеніе и суета повсемѣстныя. Кромѣ Карповскаго и Горинскаго оптовыхъ рядовъ, а также и въ Гостиномъ дворѣ, выстраивались балаганы, начиная отъ Николаевской церкви до Торговой площади, по ней и по Павловской площади и по берегу Лопани до Благотѣнскаго моста.

Къ особенностямъ ярмарочной торговли того времени относится торговля табачная, особенно турецкаго табаку, которою, въ то время безъ акциза на нее, занимались греки. Въ Успенскую и Покровскую ярмарки они, въ балаганахъ своихъ, въ началѣ Торговой площади, занимались крошкой привезеннаго ими изъ Турціи табаку. Разсортированный по крѣпости и другимъ достоинствамъ табакъ, по выбору покупателя, тутъ-же крошили и укладывали въ деревянные продолговато-круглыя коробки и продавали отъ 30-ти до 50-ти коп. ас. за фунтъ. При низкой цѣнѣ и несомнѣнно хорошихъ качествахъ этого табаку, торговля имъ далеко не достигала размѣровъ, которые должно бы ожидать. (Отецъ мой, любитель турецкаго табаку, запасался ежегодно цѣлымъ пудомъ). Публика имѣла привычку къ такъ называемому Вагштафу, фабрикату изъ разныхъ другихъ сортовъ табаку, большею частію нашей отечественной махорки. Для составленія Вагштафа табачные листы отъ вымочки въ водѣ лишаются дурнаго своего вкуса и запаха, заправляются потомъ разными соусами (у каждого фабриканта свой секретъ), состоящими изъ коры Каскареля и другихъ пряностей, черносливу или меду, стираксы или Перувианскаго бальзама, Тамариндоваго фрукта и селитры. Высушенные и окрашенные такимъ образомъ листы поступаютъ въ крошку. И къ этому отвратительному куреву, перешедшему къ намъ отъ голландцевъ, мы привыкли до того, что предпочитали ему превосходному по аромату и вкусу натуральному турецкому табаку. Харьковъ нѣкоторое время, именно въ 30-хъ годахъ, имѣлъ своего фабриканта табаку, Ивана Николаевича Богомолова, человѣка интеллигентнаго, энергичнаго и склоннаго къ спекуляціи. На химическомъ заводѣ своемъ, на Основѣ, выдѣлывалъ онъ лакъ, политуру, бѣлила и много другихъ химическихъ препаратовъ и красокъ. Табакъ курили мы изъ выжженныхъ глиняныхъ трубокъ (стамбукъ), снабженныхъ длиннѣйшими чубуками черешневыми, не дешевыми, глядя по длинѣ, отъ 1-го до 10 р. асс., часто снабженными янтарными мундштуками разной цѣны. Длина чубуковъ доходила отъ 1-го до 2-хъ и даже 3-хъ аршинъ. Конечно, богатымъ людямъ доступна была такая роскошь. Небогатые довольствовались дешевенькими чубуками изъ липы, точеными и окрашенными различными цвѣтами и снабженными роговымъ мундштукомъ, цѣною въ 10—15 коп. асс. Куривали, даже съ залосомъ, нѣкоторыя старыя дамы, особенно изъ военныхъ, но вообще у дамъ и особенно дѣвицъ, куреніе не было принято. Нѣмцы больше курили изъ цѣпковыхъ громаднѣхъ трубокъ съ серебрянными крышкою и оправою для чубука, ремесленники ибѣмцы не выпускали и при работѣ изорѣта свою саксонскую фарфоровую носогрѣйку съ коротенькимъ чубукомъ. Простолудинъ, хохоль и тогда, какъ и теперь, сосалъ свою люльку, набитую махоркою, которую не крошили, а между ладонями растиралъ. Сигары, конечно, и тогда употреблялись, но по цѣнѣ своей были не всякому доступны. Съ папиросами, пахитосами и табакитосами насъ познакомили Одесситы въ 40-хъ годахъ, но въ общее употребленіе папиросы вошли только съ 50-хъ годовъ.

Нюхательный табакъ особенно пользовался славою выдѣлываемый изъ махорки сторожемъ Николаевской церкви и тамъ-же подъ старою колоколою нею производилъ онъ и жена его имъ торговлю. Не мало бычачьихъ пузрей, наполненныхъ этимъ табакомъ, отправлялось въ другіе города и осо

бенно въ Петербургъ старымъ пюхаламъ сапожникамъ, туда переведеннымъ, въ гостиницѣ отъ своихъ благодарныхъ подчиненныхъ.

Говоря о табакѣ и куреніи, необходимо коснуться и способа добыванія огня. Въ общемъ употребленіи, и до конца 30-хъ годовъ, для добыванія огня служили кремень, кресало и труть. Трутомъ служили губка древесная *Agaricus Chirurgorum*, или сахарная бумага, напитанная растворомъ селитры, или просто на уголь пережженные тряпки, притушенные досечкою въ деревянной коробкѣ, куда сверху внизъ выгребивали искру. Для добыванія огня изъ полученной искры употребляли заостренныя въ четверть длины изъ лучинъ наколотыя и въ растопленную стру обмоченныя спички. Этими сѣрниками, трутомъ, кресалами, кремнями, простыми трубками (люльками), стамбулками, простыми чубуками, табачными кисетами изъ кожи или разноцвѣтныхъ ласкутиковъ, махоркою въ папустахъ и разными другимъ крамомъ, торговали въ своихъ рогожанныхъ лавкахъ (будкахъ) крамарки на базарѣ весьма бойко. Этотъ родъ торговли въ настоящее время сталъ исчезать. Фосфорныя спички появились въ продажѣ въ Харьковѣ въ 1840-мъ году, привезенныя изъ Вѣны. Въ началѣ 40-хъ годовъ Карлъ Викластъ, часовъ мастеръ, родомъ изъ Лемберга (Галиціи), возвратившись изъ Австріи, куда поѣхалъ по своимъ дѣламъ, въ Харьковѣ, гдѣ онъ проживалъ съ 20-хъ годовъ, завелъ на Конной улицѣ фабрику спичечную и сталъ продавать свое произведеніе несравненно дешевле заграничнаго: по 10 коп. асс. за коробочку въ 100 спичекъ. Конкурентомъ ему сталъ провизоръ Федоръ Ивановичъ Рупрехтъ *), болѣе его практичный. Его спички, несравненно вышешаго достоинства, разнообразились въ сортахъ. Кромѣ простыхъ сѣрныхъ, являлись напитанныя стеариномъ, парафиномъ, подъ названіемъ спиртовыхъ, безъ запаха и кабинетныя съ духами и съ разноцвѣтными головками. Спички его стали продаваться въ половину дешевле Викласовыхъ и имѣли сильный сбытъ, пока не появился Волковъ изъ Медвни съ своими дешевыми, въ раздробной продажѣ, по $\frac{1}{2}$ коп. за коробку.

Конная ярмарка на Троицкой была въ 20-хъ и 30-хъ годахъ и даже до 50-хъ несравненно значительнѣе теперешней и едва ли уступала знаменитымъ Роменской—Вознесенской и Лебединской. Приводили на продажу лошадей лучшихъ конныхъ заводовъ, которыми въ тѣ времена изобиловала Южная Россія и на улучшение которыхъ помѣщики прилагали особенное стараніе. Большая часть коннозаводчиковъ—кавалеристы Украинскаго военнаго поселенія, съ молодыхъ лѣтъ присмотрѣвшіеся къ лошадямъ, знатоки, любители, такъ сказать, влагавшіе всю душу свою въ выхожденіе любимыхъ животныхъ. Изъ числа такихъ любителей заводчиковъ окрестностей Харькова, доставлявшихъ лучшихъ лошадей на ярмарку, заводы которыхъ я посѣщалъ, назову Курской губерніи, Грайворонскаго уѣзда, сл. Головчиной, предводителя дворянства Ивана Осиповича Хорватъ и Бѣлгородскаго уѣзда, сл. Головиной, Алексѣя Андреевича Черноглазова, Роменскаго уѣзда, Василія Степановича Жуковского, Корочанскаго уѣзда предводителя дворянства Николая Егоровича Гангардта, кромѣ множества другихъ, съ которыми я лично не былъ знакомъ. О Черноглазовѣ Алекс. Андр. расскажу только одинъ особенно замѣчательный эпизодъ, вполне характеризующій его страсть къ лошадямъ и самого его, какъ знатока дѣла. Въ 1836 году

*) Оставивъ фармацію, Рупрехтъ до кончины своей занимался разными химическими, техническими и сельско-хозяйственными производствами. Дѣлалъ онъ курушки, отличавшіеся особеннымъ пріятнымъ запахомъ, горчицу, разные сорта санитарнаго кофе, какъ-то: желудевый, майсовый, ржаной, ячменный, шоколадъ и первый завелъ очистку поваренной соли, которую для торговли обратилъ въ маленькіе конусы, на подобіе сахарн. головокъ. Снявъ въ аренду дачу Тюрина, противъ Сабуровой дачи, извлекалъ хорошій доходъ изъ сада и парниковъ, табаку, огородины и молочнаго хозяйства. Подъ конецъ, купивъ себѣ небольшую дачу въ Синолицовѣ, устроилъ тамъ пивной заводъ.

зимою распродалась на Бѣловодской конюшнѣ государственнаго коннозаводства съ аукціона бракованные жеребцы, въ числѣ которыхъ, по старости дѣтъ, находился и содержавшійся на казенномъ фуражѣ знаменитый арабскій бѣлый жеребецъ Императора Александра Павловича, подарокъ Персидскаго Шаха, на которомъ Государь часто изображался на тогда распространенныхъ картинахъ. Этому жеребцу было уже дѣтъ подъ 40. Больной, едва живой, лежалъ онъ въ стойлѣ и, конечно, не имѣлось надежды на его продажу; всѣ покупатели его обходили. Алексѣй Андреевичъ окинулъ его глазомъ знатока и съ надбавкою одного рубля противъ ничтожной оцѣнки купилъ, повалилъ на троечные сани и повезъ веретъ за 300 въ свою деревню и радъ радехонекъ хорошей покупкѣ, которую всѣ тогда осмѣивали, въ томъ числѣ и я, когда прѣхалъ къ Ал. Андр. по привозѣ жеребца, когда онъ меня повелъ въ конюшню похвалиться своимъ приобретениемъ. Надъ тощимъ, едва дышащимъ одромъ, лежащимъ на подстилкѣ въ стойлѣ, Ал. Андр. съ восторгомъ рассказываетъ о знаменитомъ происхожденіи жеребца и о надеждахъ своихъ въ будущемъ. Ужаснувшись, замѣтилъ я ему, что единственная его надежда можетъ быть только на честные похороны знаменитаго втораго Буцефала и сохраненіе могилы его для потомства. „Не смѣйтесь, батенька, посмотримъ черезъ мѣсяцъ.“ И дѣйствительно: черезъ мѣсяцъ я увидѣлъ жеребца уже на ногахъ, довольно бодрого и, не смотря на старость, еще очень красиваго статъями, маленькаго росту, съ маленькою головкою и очень быстрыми глазами. Ал. Андр. добился таки отъ него прилода. Ужъ онъ его холитъ, вытираетъ его водкою, заливаетъ его виномъ, поилъ его ячмыемъ и овсянымъ пойломъ и кормилъ самою мягкою пищею. Вотъ настоящій любитель, конно-заводчикъ! Теперь и число заводовъ уменьшилось и страсть остыла. На Харьковскую конную ярмарку стекались ото всюду ремонтеры, не только русскіе, но и Австрійскіе, Пруссскіе. Изъ числа тогдашнихъ ремонтеровъ особенно выдавался Григорьевъ, слышій авторитетомъ по своей опытности и составившій себѣ хорошее состояніе лошадьми. Онъ былъ ремонтеромъ поселеннаго украинскаго корпуса. Одновременно съ конною, тогда, въ 1826 г., процвѣтала и шерстяная ярмарка, на которую привозилось уже много шерсти недавно разведенныхъ шпанскихъ овецъ, но конечно далеко не до предѣловъ позднѣйшаго времени. Больше привозилась шерсть простыхъ овецъ и кожи. Также и рогатого скота и овецъ пригонялось не мало.

Изъ всѣхъ 4-хъ ярмарокъ, Троицкая была самая оживленная. Помѣщики, продавши шерсть, особенно степные, съ деньгами, малую толику ихъ оставляютъ въ Харьковѣ, дѣлая нужные для дома запасы и предоставляя семействамъ пользоваться удовольствіями, которыхъ въ то время въ Харьковѣ оказывалось не мало: балаганы съ звѣринцами, восковыми фигурами, волтижерами, акробатами и другими фокусами прѣзжихъ артистовъ, для дѣтей и простолюдина маріонетки, собачья комедія, панорамы и проч., также театръ и концерты, обѣды и кутежи, въ которыхъ главную роль играютъ ремонтеры и другіе военные. А тѣмъ временемъ заводятся семейныя знакомства и поддерживаются старыя, устраиваются или подготавливаются дѣлишки по части Гименей. Бывалъ и картежъ въ широкихъ размѣрахъ, такъ что нерѣдко помѣщикъ оставлялъ на „зеленомъ полѣ“ свою годовую выручку и даже иногда и доходы будущаго, а ремонтеры ремонтную сумму. Азартныя игры въ то время были въ большомъ употребленіи: коммерческія, бостонъ, позже вистъ; зимнее время дома, а на ярмаркѣ—кути сколько влезетъ! Нарядныя барыни и барышни переходятъ въ сопровожденіи ливрейнаго лакея по рядамъ изъ лавки въ лавку (магазиновъ тогда еще не было), выбираютъ наряды и проч., а модистки,—модисткамъ лафа. M-le Rosalie, съ 30-го года M-me Helm, M-me Sadet, M-selle Julie Deville, M-me Bourdié, корсетница Карронъ, башмачница M-me Richpin (Ришпенъ) и много другихъ, перчаточникъ Федоръ Федоровичъ Ленцъ завалены заказами милыхъ дамъ и воѣмъ къ спѣху.

Да и кстати: время экзаменовъ въ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ нужно непременно побывать и особенно на окончательныхъ „публичныхъ“. Эти экзамены въ пансіонахъ для проформы. Вызываются лучшія; часто и самыя неуспѣшныя ученицы также отвѣчаютъ бойко на предлагаемыя, но впередъ извѣстныя, вопросы и приводятъ слушающихъ съ умиленіемъ мамашъ и папашъ въ восторгъ, и посылаютъ благодарности и подарки, какъ содержательницамъ, такъ и класснымъ дамамъ, не забывая и нянюшекъ и экономки. Изъ всего этого акта, конечно, самое интересное и дѣльное—декламация стиховъ русскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ, также опыты въ игрѣ на фортопьянахъ, пѣніи и танцахъ, конечно, граціозныхъ: Шаль, Испанскихъ и Итальянскихъ съ тамбуриномъ и кастаньеттами. Въ заключеніе директоръ, прочитавъ списокъ о переводѣ въ слѣдующіе классы, объ окончившихъ курсъ, раздаетъ удостоившимся (а нерѣдко недостойнымъ) похвальные листы, книги и аттестаты.

Начались каникулы. Забираются пансіонерки (институтки бѣдныя обрѣченны на семилѣтнее заточеніе и томленіе), пансіонеры, гимназисты и студенты. Въ вознагражденіе за всякіе труды, понесенные въ теченіи года милыми дѣтми, развозятъ ихъ по кондитерскимъ: швейцарцевъ Карове, Озеръ, Маподель, въ 40-хъ годахъ нашихъ русскихъ, почтеннаго бородача Козлова на Московской и Лебедева, потомъ въ театръ и на разныя другія увеселенія. Экипажи то и дѣло шмыгаютъ по улицамъ. Щеголеватыя вѣнскія ландо, коляски, кареты и высочайшіе рыдваны, запряженные четверкою, иногда и шестеркою въ простегъ, съ фореиторомъ и на запяткахъ съ ливрейнымъ лакеемъ или даже двумя. Васистый голосъ бородачаго кучера или тоненькій голосокъ 12—14 лѣтнаго фореитора „пади или берегись“, а не какъ нынче „правѣе“—заставляетъ каждого встрѣчнаго почтительно уклониться.

Однимъ словомъ, Троицкая—не жизнь, а масляница. Всѣ остаются довольны. Довольны папаша, мамаша, дочечки и сыночки, премного довольны купцы, модистки, корсетницы, перчаточникъ, башмачникъ, антрепренеръ, Иванъ Федоровичъ Штейнъ съ труппою, всевозможные фигляры и фокусники, содержатели трактировъ, гостиницъ и частныхъ квартиръ и постоянныхъ дворовъ,—словомъ, всѣмъ угожденіе Троицкая ярмарка. И доктора, съ которыми при сей вѣрной оказіи, нужно посоветоваться о нервахъ и проч., и 3 аптеки Фидлера за Лопанью, Кронгардта на Московской и Сартиссона (прежде Нельдикена), у которыхъ нужно сдѣлать запасъ лѣкарствъ для экономіи по значительнымъ каталогамъ, и тѣ незабыты и съ благодарностію вспоминаютъ Троицкую ярмарку. Не менѣе другихъ и я съ удовольствіемъ припоминаю прошлое, невозвратное веселое времячко.

Покровская ярмарка, хотя выгодная для города, менѣе посѣщалась помѣщиками, она болѣе снабжала товарами ближайшихъ отъ Харькова торговцевъ. Особенностію ея является продажа привозимыхъ въ 40 ведерныхъ бочкахъ соленыхъ сливъ изъ Опони, грибовъ и другихъ соленій и маринованій, какъ-то вишенъ, нѣжинскихъ огурцовъ и т. под.,—однимъ словомъ, по собраніи плодовъ земныхъ. Тутъ являются и виноградъ, крымскія яблоки и груши, привозимыя татарами въ арбахъ, впряженныхъ верблюдами, балаганы съ фруктами Курской губерніи: яблоки антоновка, титовка, зеленка-зимники, груши, дули. Чумаки привозятъ соленую рыбу съ Дону: тарань, сеньгу, чехонь, сельдей крупныхъ астраханскихъ, крымскихъ и мелкихъ, иногда осетринную икру и продаютъ на рыбномъ базарѣ съ воза.

Успенская и въ особенности Крещенская ярмарки болѣе интересны для купечества. Преобладающими пріѣзжими продавцами являются Москвичи, а покупателями купцы, изъ дальнихъ, преимущественно южныхъ, мѣстъ, съ Крыма, съ Кавказа и другихъ. Тутъ совершаются тѣ громадныя обороты, которыми уже въ 20-хъ годахъ онѣ славились, и на нихъ-же болѣе дѣлаются между купцами расчеты.

Зима собираетъ опять помѣщиковъ въ Харьковъ и тутъ составляются въ дворянскомъ собраніи *) балы, маскарады, даются концерты, посѣщаютъ

*) Клубъ дворянскій устроился только въ половинѣ 30-хъ годовъ.

театръ. Устраиваются съ благотворительною цѣлью живыя картины, благородные спектакли и концерты.

Промышленность въ Харьковѣ въ 20-хъ и 30-хъ годахъ, хотя и не была еще сильно развита, но по многимъ отраслямъ проявляла свою дѣятельность,—какъ то:

Въ кустарной: гончарной, выжиганіемъ горшковъ и кафель простыхъ, копарской, тканьемъ мохнатыхъ ковровъ (коцъ) занимались копари. Чеботарной, шитьемъ чеботъ, черевикъ и котовъ на базаръ. Свитами, шитьемъ ихъ особенно обогатился Скрынниковъ. Войлоки сбивались разныхъ качествъ и величины. Шапки мѣховыя и суконныя—Крохмаль и другіе. Скорняки, выдѣлкою мѣховъ (овчинъ) и шитьемъ тулуповъ и полущубковъ. Кожевники (шевцы), выдѣлывали (дубили) кожи для чеботарей. Бондарствомъ занимались для базара (ведра, джки, кадushки). Столярствомъ тоже для базара простой мебели: стульевъ, дивановъ, столовъ, и кроватей, крашенныхъ и некрашенныхъ. Кузнечной, выдѣлкою лемешей для плуговъ, гвоздей, секиръ и проч., а также ковку лошадей. Этими промыслами, особенно первыми 6-ю, занимались цѣлыми семействами и преимущественно за Лопанью, гдѣ въ мѣстностяхъ производствъ и улицы сохранили названія: Гончаровки, Копарской, Чеботарской, также и Кузнечной, гдѣ по берегу р. Харькова и въ началѣ этой улицы съ давнихъ временъ стояли кузницы.

Въ заводской: Мойки шерсти на р. Лопани съ 30-хъ годовъ. Войни на Москалевкѣ и на Змѣевской улицѣ, но преимущественно въ жилыхъ дворахъ на мало-заселенной мѣстности; рѣзали мелкій скотъ и въ самыхъ мясныхъ лавкахъ, которые содержались весьма неопратно. Салотонни: мыловарня по берегу р. Харькова, противъ Искренскаго завода. Тогдашнее мыло славилось своею добротою. Варили его изъ чистаго сала, не прибавляя, какъ теперь, для экономіи, другихъ веществъ. Свѣчные заводы (сальные): Ващенко, Піюкъ. Клеваренные: Головинъ. Кожевенные: Гершмидтъ на Конторской. Медовыя бани доставляли превосходный медъ, бѣлый подсыдъ, стекающій самъ собою изъ сотъ при малой теплотѣ, особенно хорошій, вкусный ароматный липецъ и банный, красноватый или желтый, вытопленный при болѣе возвышенной температурѣ. Вощины обыкновенно поступали на соединенныя съ банею воскобойни, гдѣ перетопленные съ водою, выжимались сильными винтовыми прессами, или-же изъ скупаемыхъ вощинъ. Жидкость, содержащая еще медъ послѣ выжимки вощинъ, употреблялась для приготовления изъ нея хмѣльнаго напитка „варенецъ“ или для уксуса.

До удешевленія сахара замѣною тростниковаго свекловичнымъ, медъ вообще былъ въ большомъ употребленіи; съ 40-хъ же годовъ, не выдерживая конкуренціи, промышленность эта, т. е. спускъ меда, какъ и самое пчеловодство, стали сильно упадать, и въ Харьковѣ, сколько мнѣ извѣстно, едва-ли уже и существуетъ. По крайней мѣрѣ мнѣ извѣстны 2 завода, работавшіе въ огромныхъ размѣрахъ, которые въ 50-хъ годахъ закрыты.

Что сказано о медѣ, нужно отнести и къ воску. Заводовъ для восковыхъ свѣчей въ Харьковѣ съ давнихъ временъ существовало нѣсколько. Изъ нихъ мнѣ извѣстно 2: Ив. Ив. Ващенко, а другой на углу Кацарской и Ярославской.

Было въ Харьковѣ еще 2 завода стеариновыхъ свѣчей, изъ которыхъ первый открытъ въ 30-хъ годахъ портнымъ Винтерфельдомъ. Онъ просуществовалъ до начала 40-хъ годовъ, помѣщался на Вскресенской площади въ домѣ, бывшемъ пр. Якимова, и другой, Клейменова, на Журавлевкѣ, въ 60-хъ годахъ, закрытъ вскорѣ послѣ своего основанія. Не могли они выдерживать конкуренцію съ Коллетовскими и Невскими, хотя и оба работали съ гидравлическими прессами и на мѣстѣ добычанія сала.

Маслобойни процѣтали уже въ 1826 году. Онѣ занимались только конопляннымъ масломъ и при томъ самымъ примитивнымъ способомъ, бѣднымъ прессомъ. Этимъ дѣломъ занимались и тогда, какъ и теперь олейницы, которыя продолжаютъ бить масло стариннымъ способомъ, и сами на базарѣ торгуютъ своимъ произведеніемъ. Онѣ выбиваютъ масла лишь столь-

ко, сколько могут продать и черезъ это выносить на продажу свѣжее масло, къ которому покупатели имѣютъ болѣе довѣрія, нежели къ привозному лавочному бочковому, которое часто оказывается прогорклымъ, хотя и дешевле. Подсолнухи въ то время около Харькова еще не сѣялись. Масло подсолнечное привозилось изъ Воронежа, а маковое изъ Бѣлгорода. Льняное малороссы не привыкли употреблять въ пищу.

Крупорушки конныя снабжали городъ хорошими гречневыми крупами, но не для вывоза.

Мельницы вѣтряныя существовали, какъ и вездѣ въ Малороссіи, на окраинахъ города, также и водяныя: на Журавлевкѣ при Сомовской греблѣ, у Кузнецкаго моста и ниже на Лопани вблизи Дмитровскаго моста, но, какъ и вѣтряныя, молили только на потребность жителей города, изъ которыхъ не малая часть, особенно за Харьковомъ, занималась хлѣбопашествомъ.

Пивоваренный заводъ Искры за Харьковомъ, близъ заставы по Искринской улицѣ и вблизи его-же вѣтряной мельницы, снабжалъ Харьковъ и окрестности превосходнымъ Малороссійскимъ пивомъ, достоинствомъ чуть-ли не выше Кочубеевскаго изъ Диканьки. Пиво его густое, сладковатое и съ игрою.

Такъ называемое Баварское, бѣлое, жидкое и горькое, тогда еще въ Харьковѣ не было извѣстно. Привозилось изъ Москвы въ 20-хъ годахъ пиво бѣлое Данильсона и Крона, которое черезъ провозъ улучшалось и достоинствомъ превосходило тотъ-же продуктъ, который мнѣ случалось пить въ самой Москвѣ и въ Петербургѣ; но дорого продавалось это пиво. Въ трактирѣ Шерякина за бутылку брали чуть-ли не по рублю ассигнаціи.

Водочный заводъ, для очистки хлѣбнаго вина и выдѣлки разныхъ специальныхъ водокъ сладкихъ и настоекъ, существовалъ только одинъ при конторѣ откупщика Козьмы Никитича Кузина на Конторской улицѣ.

Малороссія пользовалась тогда еще свою привиллегією вольнаго винокурения; въ однихъ городахъ только, отданныхъ на откупъ, водка продавалась по возвышенной цѣнѣ; со всѣхъ сторонъ, на окраинахъ города, по большимъ дорогамъ за заставою, устроены были кордоны и ко всякому, входящему и проезжающему въ городъ, подходили кордонщики свидѣтельствуя, не несетъ-ли или не везетъ ли корчемное вино. Длинныя желѣзныя, въ сажень, и заостренныя щупы вонзали онъ въ возы съ сѣномъ, соломою, или другимъ товаромъ, строго осматривали и внутренность экипажей проезжающихъ, въ чемъ ему пренятствовать не могли. Но при всей строгости нерѣдко производилось корчемство и горе тогда уличенному! Съ полчинымъ провожали его кордонные прямо въ острогъ, гдѣ онъ высиживалъ впредь до рѣшенія уголовного суда. Рабочій людъ и вообще охотники до водочки и притомъ дешевой, мало въ городѣ пивали, а въ свободное время, особенно въ воскресные и праздничные дни, массами тянулись за городъ на вольнину: въ Филиппово село, на Основу, за Холодною горою до Каменнаго трактира, въ 2-хъ верстахъ отъ Харькова, на Даниловку, или за городомъ до постоялаго на Змиевской дорогѣ. Тамъ при цѣнѣ въ 8 или 10 разъ дешевле городской, натыгивались они до положенія рязи и, шатаясь, съ пѣснями, мимо косящихся на нихъ кордонщиковъ, проходили обратно въ городъ. Но, увы, это удовольствіе не долго продолжалось; въ концѣ 30-хъ годовъ и на уѣздъ наложенъ откупъ, и корчемство сильно поубавилось.

Укусныхъ заводовъ, въ смыслѣ теперешней скоросѣлкой фабрикаціи, въ то время еще не существовало, хотя въ 40-хъ уже годахъ таковыя стали размножаться, каковы: Шмальценъ, Кохъ, Ринке и проч., гдѣ ведро продавалось отъ 1—2 рублей. Укусъ готовился больше по домамъ или въ винныхъ погребахъ или на пивномъ заводѣ, также и на воскресныхъ.

Красильный заводъ Кемпе существовалъ за Нечетью въ собственномъ его домѣ и былъ тогда въ 26-мъ году единственный.

Химических заводов существовало 3, из которых завод Богомолова, Ив. Никол., возлѣ Основы, съ 30-х годов выдѣлывалъ свинцовыя бѣлила, краски, лаки спиртовые и масляные, подитиру и проч., Рудакова — купоросное масло въ свинцовой камерѣ, соленую, азотную кислоты и нѣкоторые другіе препараты, съ 40-х годов. Шмальценъ на хуторѣ своемъ за Сокольниками — эфиръ сѣрный и уксусный, уксусъ, перегонялъ минеральныя кислоты и разные препараты для аптекъ, въ 60-х годахъ.

Кирпичныхъ заводовъ въ 1826 году въ Харьковѣ было не болѣе двухъ; по небольшой потребности въ кирпичъ; но съ 30-х годовъ стало ихъ открываться множество.

Прянично-конфетныя заведенія съ 40-х годовъ въ Харьковѣ развили свою промышленность до весьма солидныхъ размѣровъ. Кокинъ, Жуковъ, Полуехтовъ и въ послѣднее время Кромской производятъ каждый на сотни тысячъ этого товара, которымъ снабжаютъ всю южную Россію и Кавказъ. Съ 20-х годовъ до 40-хъ было одно только пряничное заведеніе Павлова, сначала въ его домѣ у столба, а потомъ уже въ болѣе обширныхъ размѣрахъ въ новомъ домѣ.

Въ фабричной промышленности и собственно металлург. издѣлій дѣйствовали уже мѣдно-плавильныя, молотобойныя и желѣзные заводы Картадова съ 1810 г., Рыжова съ 1820, Плетнева съ 1826 г. До 40-х годовъ, когда только паровики начали у насъ на югѣ Россіи приходить въ употребленіе, они болѣе занимались ковку котловъ желѣзныхъ для мыловаренныхъ, селитренныхъ и подобныхъ заводовъ, кубовъ и трубъ мѣдныхъ для винокурень, отливкою крановъ и прочаго, а въ послѣдствіи и паровиками и отливкою разныхъ чугуновыхъ и мѣдныхъ принадлежностей для механическихъ издѣлій. Чугунно-литейный заводъ Оедотова съ 1835 года. Добычина съ 40-х годовъ. Механической и сельско-хозяйственныхъ орудій съ литейными заводами: Вестберга съ 50-х годовъ на Конной площади, Пильстрема съ 70-го года на Конторской, колокольный заводъ Рыжова на станціи „Рыжовъ“, дробилитный его же заводъ, съ высочайшею деревянною башнею при литейномъ его заводѣ за Харьковомъ, существуютъ съ 20-хъ годовъ.

Не относя ни къ одному изъ упомянутыхъ 3-хъ видовъ промышленности, не могу пройти молчаніемъ о существовавшихъ уже въ 20-хъ годахъ Торговыхъ банкахъ, Сергѣева и Фокина на Конномъ переулкѣ и Кузнецова на р. Харьковѣ, на Кузнецкой ул. Онѣ были хотя и безъ затѣй, но вполне удовлетворяли тогдашнимъ непритязательнымъ требованіямъ.

Ремесла всѣхъ видовъ болѣею частію имѣли представителями нѣмцевъ; русскіе мастера являлись, какъ исключеніе.

Булочники тоже долго были только нѣмцы. Изъ русскихъ — Кудряцовъ, прозванный „Красное солнышко“. Кто изъ старожиловъ Харькова не помнитъ этого раздобылаго старичка, маленькаго роста, съ сѣдою бородкою и сизымъ носомъ, всегда веселаго и съ прибаутками! Въ 50-хъ годахъ переселились въ Харьковъ братья Муравьевы и Чекамаревъ и завладѣли всею торговлею и выжили нѣмцевъ.

Колбасники, конечно, тоже нѣмцы. Въ 40-хъ годахъ основалъ свое заведеніе Легеръ. Кромѣ знанія своего дѣла, онъ умѣлъ привлечь публику до того небывалою обстановкою и разнообразіемъ своихъ произведеній. Онъ устроилъ при своемъ заведеніи ресторанъ, въ которомъ можно было позавтракать вкусными вѣскими сосисками, котлетами и прочими произведеніями его искусства. Въ крымскую всею памятную турецкую войну, онъ доставлялъ въ армію окорока и проч. Я имѣлъ съ нимъ дѣла и между прочимъ продалъ ему венгерской породы громадную некормленную свинью для развода. Съ перваго слова, заочно, заплатилъ онъ 60 руб. сереб. Жалѣю, что продешевилъ; онъ самъ мнѣ сознавался, что и 120 руб. съ удовольствіемъ далъ-бы. Эта громадина — послѣдняя изъ 3-хъ поросятъ, купленныхъ мною у Чонгради, вывезшаго породу эту изъ Венгріи. Теперь она перевелась.

Теперь еще нѣсколько словъ о модисткахъ-француженкахъ, жившихъ въ мое время и основавшихся съ 20-хъ—30-хъ годовъ въ Харьковѣ. Первая, въ 20-хъ годахъ поселилась въ Харьковѣ бельгійская уроженка m-lle Rosalie. Въ 1829 году она вышла за ювелира Ив. Ив. Гельмъ. Вѣщаніе производилось, чтобы избѣжать огласки, въ Чугуевѣ, гдѣ есендзъ Гемина-Чаплинскій передъ вѣщаніемъ окрестилъ ее еврейку, въ католическую вѣру. Она до конца была христіанкою въ полномъ смыслѣ слова. Ни одинъ бѣдный, обращавшійся къ ней за помощію, не оставался безъ удовлетворенія и сама она отъискивала нуждающихся въ поддержкѣ. Дѣлала это она по евангельски, чтобы правая не знала, что творить лѣвая. Одну бѣдную старушку, доставлявшую ей куръ, которая сломала себѣ ногу и черезъ это пришла въ нищенство, посѣщала она, во время ея болѣзни ежедневно, возя ей на Журавлевку лекарства, чай, сахаръ, подкрѣпляющую пищу, одежду, деньги, ободряла ее, утѣшала и умершую похоронила. Сколько бѣдныхъ дѣвушекъ, принявъ къ себѣ въ обученіе, вывела она въ люди, выдавъ за мужъ, или иначе обезпечивъ! Всякій новопріѣзжій иностранецъ, особенно изъ числа артистовъ, находилъ въ ней покровительницу и поддержку. Кто изъ старожиловъ не знаетъ Розалію Петровну Гельмъ, и особенно дамы. Всегда веселая, пріятливая, она старалась всѣмъ угодить. Съ молодю она была очень красива, граціозна, ловка, быстра въ своихъ движеніяхъ и энергична. Правильно говорить по-русски она таки не научилась. Строго держала она своихъ ученицъ и умѣла ихъ школить. Всѣ онѣ ея боялись, но и любили. На моемъ вѣку мнѣ встрѣчались только двѣ женщины съ такою энергією. Другая ей ровестница по лѣтамъ, и теперь еще живая, акушерка мадамъ Винтерфельдъ. Вторая изъ знаменитыхъ Харьковскихъ модистокъ, также изъ Парижа, съ сестрою своею въ 30-хъ годахъ въ Харьковѣ переселившаяся, — мадамъ Саде.

Жители коренные въ Харьковѣ, по происхожденію и языку, малороссы, по крайней мѣрѣ мѣщане и простолюдины изъ крестьянъ, въ 30 хъ еще годахъ говорили чистымъ малороссійскимъ нарѣчіемъ, но мало-по-малу, черезъ наплывъ великороссовъ, особенно купцовъ, нарѣчіе малороссійское стало портиться, такъ что въ настоящее время коренныхъ жителей трудно признать за малороссіянъ. Въ числѣ 20,000 жителей въ 1830 году иѣмцевъ (преимущественно ремесленниковъ, коммерсантовъ и ученыхъ) было около 500, французовъ ученыхъ (профессоровъ, учителей, гувернеровъ и гувернантокъ), коммерсантовъ и модистокъ до 200, итальянцевъ около 10, поляковъ до 300, особенно между военными, а евреевъ вовсе не было, кромѣ пріѣзжающихъ на ярмарку и пользовавшихся правомъ проживать только 3 дня. Была модельня (школа), на Мѣщанской, для пріѣзжавшихъ евреевъ и для нѣкоторыхъ, съ десяткомъ обоего пола, осѣдлыхъ, коимъ по ремесламъ разрѣшено жить, какъ-то помнится: золотошвейный мастеръ, военный при полку портной и т. п. изъ солдатъ.

О нравахъ и обычаяхъ Харьковцевъ 20-хъ и 30-хъ годовъ, я уже упомянулъ, что они (харьковцы) отличались простотою и не требовательностію; какъ въ пищѣ, такъ и въ одѣяніи и жилищѣ довольствовались малымъ. Жизнь вели нравственную, были покорны старшимъ и къ нимъ уважительны, религиозны, открытвенны и честны. Особенно же гостепріимство во всѣхъ классахъ было широко распространено. Не менѣе отличались они и воздержанностію въ употребленіи напитковъ, не взирая на заманчивую доступность таковыхъ по цѣнамъ до откупа, но во время откупа, особенно мастеровые и чернорабочіе, соблазнялись дешевою за городомъ, но и то преимущественно великороссіянъ; пиво было тогда въ большомъ употребленіи, наливки домашнія, превосходно изготовляемыя хозяйками, вполнѣ замѣняли дорогія французскія вина, а изъ винъ наиболѣе распространено было сантуринское. Французскую водку и ромъ замѣняла кизлярка. Эта превосходная по крѣпости, вкусу и аромату виноградная водка, къ сожалѣнію, совершенно вывелась изъ употребленія, а въ 30-хъ годахъ она была въ большомъ ходу, особенно для пуншевъ, которые такъ полюбили въ Ма-

лоросси. На пирушках старики выпивали $\frac{1}{2}$ дюжины стакановъ, а нѣкоторые и дюжину. И дешево, и сердито. Изъ французскихъ винъ, особенно бѣлыя: сотеръ и го-сатеръ, также изъ испанскихъ мадера, дрей-мадера. Красныя вина были въ маломъ употребленіи. Шампанское (нефабрикованное) и англійскій портеръ больше въ высшемъ кругу. Обѣды званныя отличались множествомъ блюдъ: до 10-ти и болѣе. Домашній столъ простъ, но сытенъ; борщъ изъ жирной баранины, пшенная каша, вареники со сметаною, левашички, лапша и тому под. малороссійскія блюда; также жаркое. Въ заключеніе обѣда въ лѣтнее время всегда арбузъ. Соленьями разнообразными отличались хозяйки.

Трудолюбіемъ отличались всѣ классы, и нужды было видно меньше. На поденную работу приходило весьма ограниченное число окрестныхъ крестьянъ, и болѣе въ свободное отъ полевыхъ работъ время. Они и дома находили себѣ вдоволь работы. Нищие только слѣпцы и истинные калѣки, возимые на телѣжкахъ. Они располагались возлѣ церквей, у мостовъ, на базарѣ, гдѣ распѣвали подъ аккомпаниментъ зурны или бандуры Лазаря. Проходящіе не отказывали имъ „Дайте-бо, дайте, не минайте бидному неимущему, или невидящему, калѣковъ Христа ради“. Да и кромѣ того, жители города не скупились помогать и на дому въ назначенные дни, особенно купечество. Многіе изъ нихъ нарочно устраивали на своихъ дворахъ страннопримный пріютъ, гдѣ за общою трапезою читались богомольцы, странствующіе по монастырямъ и святымъ мѣстамъ. Я зналъ таковой на Троицкой улицѣ въ домѣ мѣщанина торговца Мих. Вас. Морозова и другихъ. Подаянія по богадѣльнямъ и острогамъ, особенно къ большимъ праздникамъ, были значительны, особенно провизіею. Особенною щедростію отличались жители Харькова, и опять-таки купечество, на приношенія, при жизни или по завѣщанію, на церкви и монастыри.

Но и отъ удовольствій жители того времени не отказывались. Конечно, эти удовольствія были различны по классамъ, степени развитія а также и по средствамъ каждаго. Классы эти не смѣшивались и каждый придерживался своего круга.

Дворяне не имѣли своего клуба въ дворянскомъ домѣ, но устраивали обѣды и вечера на дому, гдѣ садились за бостонъ или въ азартныя игры, особенно въ Троицкую ярмарку. Балы, маскарады, концерты, привлекали дворян обоюдо пода въ дворянское собраніе, особенно во время выборовъ Аристократія блистала даваемыми то у одного, то у другаго пирами.

Мелкіе дворяне и чиновничество скромнѣе предавались тѣмъ же удовольствіямъ въ своихъ домахъ и къ нимъ примыкало большее число ученыхъ. Удовольствія эти имѣли болѣе характеръ семейный. По праздникамъ или особымъ случаямъ,—именинъ, крестинъ, свадебъ—и по друг. радостнымъ днямъ, собирались къ гостепріимному хозяину молодые люди потанцовать, старики садились за зеленый столъ, за стаканъ пунша. Сначала бостонъ былъ въ общемъ употребленіи, потомъ вистъ. Въ чикетъ, марьяжъ, соло, игравали, когда не составлялась партія въ бостонъ. Гран-пасанъ выкладывали старики и старухи отъ скуки, а молодежь упражнялась въ дурачка, фофана, мельника, короля, въ перемену съ фантима, въ которыхъ практиковались поцѣлуи. Въ лѣтнее время горѣлки, жмурки. Дѣвицы были не жеманны, молодые люди не нахальны. Нравственность на первомъ планѣ. Уваженіе къ дамамъ и дѣвицамъ, при свойственномъ образованному классу деликатности, строго соблюдалось. При входѣ, здороваясь съ хозяйкою, также бабъ и при прощаніи, мужчина подходилъ къ ручкѣ, также, и по очереди, ко всѣмъ присутствующимъ дамамъ и взрослымъ дѣвицамъ. Отступленіе отъ принятаго обычая почиталось за невѣжество. Въ замѣнъ этого дама цѣловала васъ въ лобъ.

Танцы—подъ звукъ „унылый фортепьяно“—впрочемъ тогда еще клави-корда, часто до нельзя разбитаго. Но это ничего, все-таки отбарабанивъ тактъ. Тогдашніе танцы: экосезъ, вальсъ, мазурка, полонезъ, котильонъ, менуэтъ, грессфатеръ, русскій кадрилъ. Контрдансъ, полька, полька-мазурка, тогда еще

не были известны. Къ концу, когда очень уже разшалится молодежь, является и казачекъ и присадки. Ну, право, превесело: шумъ, хохотъ; фанты, обыкновенно заключаютъ удовольствіе.

Между танцами подается чай съ сухарями или домашнимъ печеніемъ, старикамъ, какъ сказано, пуншъ. Лакомства: орѣхи каленые, волошскіе, сладкіе струки, пряники медовые и варенье.

Въ заключеніе холодная закуска *à la fourchette*, соленая закуска, бутылка сантуринаскаго, травничокъ и наливка, для молодыхъ медъ и пирожное, конечно, домашнее. Водка молодымъ людямъ не полагалась, и лѣтъ до 20—25, по крайней мѣрѣ въ обществѣ, никогда до нея не подходили—стыдно.

Купеческій кругъ стоялъ особнякомъ. И онъ составлялъ вечеринки, но они представляли совершенный контрастъ среднему классу. Во-первыхъ, находите вы раздѣленіе половъ: дамы чинно и жеманно расположились на диванѣ за круглымъ столомъ, установленнымъ разными слоями, ведутъ между собой вполголоса робкій разговоръ о разныхъ новостяхъ, о дрязгахъ домашнихъ и сосѣдскихъ, о костюмахъ и негодныхъ кухаркахъ, которые всѣмъ насодили, о матушкѣ Мелетіи и вновь открываемомъ въ Стрѣльцехъ монастырѣ, о Куряжѣ и Хорошевѣ, или сидятъ смиренно, вертя между руками сложенный носовой платокъ. Наряженные въ шолкъ и бархатъ, унизанные брилліантами, цѣлый вечеръ не трогаются онѣ съ мѣста. Барышни разсѣлись на стульяхъ вдоль стѣны, солидно, съ опущенными глазами, молчатъ, перемциваются, хихикаютъ и по временамъ лакомствами приниками, орѣхами или другими сластями. По временамъ онѣ и встаютъ, собираются группами, заглядываютъ въ растворенныя двери зала, между собою пощечечуть и опять захихикаютъ. Онѣ не отваживаются оставить мамашъ; съ мужчинами же поговорить неприлично, непринято. Въ залѣ также чинно; кушцы разсѣлись по группамъ, разсуждая о коммерціи, о плохой армаркѣ, о запоздаломъ товарѣ, о распоряженіяхъ думы или, чего добраго, о политикѣ, которую почерпнули изъ послѣднихъ газетъ, и всякій по своему толкуетъ. А про Паскевича изволили читать? Въ Персіи то—каковъ молодчина? Вѣдь въ графы пожаловали. Отъ времени до времени подходить къ столу съ закусками, выпють, покрахтыва, травничку, полакомятся мадерцею и закусятъ балычкомъ, икоркою или чѣмъ инымъ. Чай постоянно подносятъ въ чашкахъ *) какъ въ залѣ, такъ и въ гостиную, на этотъ разъ даже „прикащикій“ для дорогихъ гостей и пьютъ его до 3-го поту, утирая клѣтчатымъ платкомъ и лобъ и бороду. Затѣмъ настаетъ время пуншамъ и бесѣда оживляется. А плутоватые сынишки вмѣстѣ съ прикащиками стоятъ вблизи рая, открытыхъ дверей гостини, порогъ которой перешагнуть не могли! Ведутъ они между собою иную бесѣду, о гостиницѣ Шерыкина, о срѣзаніи желтаго шара въ среднюю лузу и корамбола по красному и блѣному, какой удачный ударъ, 17 очковъ-съ! „Да шампанское анамесь, какъ мы съ тобой, Федя, гуляя, какое подлое подавали, а небось денежки слудили! Да ну его къ праху! А что можетъ мы съ тобой хватимъ по стаканчику? Что-же, да кабы тятенька не тѣрѣли. Ничагось, они къ намъ синной“. И хвятили. И скучаютъ обѣдники. Давно-бы удрали, да неловко, а сказали, что будутъ танцы, и дѣйствительно, въ передней уже раздается звукъ настраиваемыхъ инструментовъ. Выходитъ хозяйка и приглашаетъ кавалеровъ и дамъ къ работѣ. „Ну што-же, начинайте, приглашаетъ ласковая хозяйка, барышни, выходите“. И барышни стыдливо, съ опущенными глазами, выходятъ, становятся вблизи дверей, а кавалеры подходить съ приглашеніемъ пройти, если не противно, съ нимъ въ лакозейсъ (экосезъ); становятся пары, дѣлятся на двѣ шеренги, съ одной стороны дамы, съ другой кавалеры, лицомъ другъ противъ друга, гуськомъ по всей залѣ, въ двѣ

*) Кто не знакомъ съ обычаемъ, тому до тѣхъ поръ будутъ подносить чай и упранивать, пока не догадается обернуть чашку дномъ къверху. Никакія извиненія и отказы васъ не избавятъ отъ вновь навязываемаго вамъ чаю и упраниванія.

линии, между которыми, начиная съ первой пары до послѣдней, проходятъ, какъ сквозь строй. Затѣмъ вальсъ и прочіе танцы, по усмотрѣнію. За танцами—ни слова, или-же много-много, какъ разсужденіе о погодѣ. Кончилисъ танцы. Накрываютъ столъ съ обиліемъ яствъ, на этотъ разъ приготовленныхъ поваромъ изъ Матузкова гостиницы или губернаторскимъ. Блюда, дѣйствительно, вкусныя и послѣ многоразличныхъ холодныхъ, соусовъ и жаркихъ съ превосходными соленьями, на которыя особенно искусны русскія кучички, преимущественно бѣлгородскія, слѣдуетъ бламажъ, желе и горяцій, непременно горяцій, пуддингъ, пирожное, и хлопають бутылками съ донскимъ. За ужиномъ обиліе возліаніе за каждымъ блюдомъ съ припрашиваніемъ хозяина и хозяйки „пожалуйте-съ“. Вставъ изъ-за стола, перекрестившись, всѣ подходятъ къ ручкѣ хозяйки, благодарятъ за угощеніе, тоже кланяются хозяину и всѣ, также по своему довольные, отправляются по домамъ; только плуты сынишки съ прикащиками—въ намѣченное впередъ тепленькое мѣстечко, гдѣ находятъ реваншъ за вынесенную руску. Тятенька съ мамушкой еще спать, когда Феденька съ прикащикомъ Федюломъ Прокофьевичемъ, на зарѣ, довольно грузно возвращаются съ оргіи, не дешево обошедшейся для батынькиной кассы.

Мѣшане, больше малороссы, строго придерживаются старинныхъ обычаевъ страны. Нѣкоторые изъ нихъ, особенно торгующіе, привыкли уже къ чайку и пуншику съ кизляркою; попроще довольствуются снѣданіемъ горячаго кулина по утрамъ или галушками съ саломъ (непремѣнно старымъ, т. е. протертымъ, которое предпочитаютъ свѣжему для приправы борща и другихъ снѣдъ). Собираясь на пирушку, угощаются горилочкою, оселедцами, таранью, холодцемъ и саломъ съ паленицею. Жинки въ своемъ кругу потчуются горилочкою или наливкою вишневою изъ маленькихъ рюмочекъ, постоянно доливаемыхъ усердною хозяйкою—нани-маткою, съ приглашеніемъ, сопровождаемымъ поклонами, „да нуте бо, кумушка, еще по одной“. Кумушка отговаривается: „Да ли-бо, спасиби, буде вже“. Хозяйка не отстаетъ, проситъ кумушку. Не считите, впрочемъ, этого за пьянство. На компанію, состоящую изъ 8—10 женщинъ, въ теченіи 2—3-хъ часовой бесѣды, при усердномъ потчиваніи, израсходовано всего только четвертка горилки изъ графинчика, въ которомъ непремѣнно плаваютъ давно вымокшіи стружки краснаго перца. Но, конечно, есть охотницы выпить и не въ мѣру и тогда, подгулявши, обнимаются, цѣлуются съ миленькой сестричкой, кумушкой—голубочкой, плачутъ, поссорятся, мирятся за новою чарочкою, заспываютъ или соло или „у куни“. Пѣсни ихъ жалобныя. Дивчата расположились на призьбѣ (завалинѣ), а зимою въ другой хатѣ—грызутъ сѣмечки или щелкаютъ орѣхи, закидавъ все пространство около себя скорлупою, затаптуютъ пѣсню веселенькую. Подъ повѣткою къ сволоку прицѣплены качели, т. е. доска на веревкахъ, подбрасываемая хлопцами. Придутъ хлопцы, начнутся жартованья, бѣганье, смѣхъ, потомъ пѣсни хоромъ.

Общество пѣмцевъ вечеринками своими немногимъ отличается отъ средняго класса русскихъ. Тотъ-же семейный характеръ, только болѣе *gemüthlich*. Дамы занимаютъ мѣсто въ гостинной, вокругъ чайнаго стола съ работою, которую всякая обязательно съ собой приноситъ, обыкновенно вязанье. Болтаютъ о новостяхъ, просматриваютъ модные журналы, разсуждаютъ о прочитанныхъ новыхъ романахъ, интересуются дѣлами благотворительности и проч. Хозяйка, принимая дѣятельное участіе въ бесѣдѣ, между тѣмъ, не забываетъ о милыхъ гостяхъ, разливаетъ кофе, шеколадъ или чай. Мужчины сидятъ за бостономъ, курятъ и пьютъ пуншъ съ ромомъ. Молодые люди прохаживаются съ дѣвками по залѣ, бесѣдуя о впечатлѣніяхъ, какія вынесли они изъ театра, послѣдняго бала, маскарада, разгадываютъ шарады, говорятъ о литературныхъ произведеніяхъ, садятся цѣлымъ обществомъ, играютъ въ разныя игры: домино, мушку, мельника, фанты—любимая игра пѣмцевъ, въ козко, въ кошку и мышку и т. п. При разыгрываніи фантовъ часто необходимы поцѣлуй. Промежутки между играми выполняются игрою на фортепіано (на клавикордахъ) и пѣніемъ любимыхъ

нѣмецкихъ арій, романсовъ, часто цѣлымъ хоромъ. Начинаются танцы и преимущественно вальсъ (Augustin), котильонъ и, между прочимъ, грасс-фатеръ. Танцующіе по-парно, подъ руку держа даму, медленно прохаживаются въ кругъ одна за другою, при окончаніи куплета останавливаются; становясь другъ противъ друга, кавалеръ откланивается поклономъ своей дамѣ, она ему съ низкимъ книксомъ присѣдаетъ, затѣмъ и при второмъ куплетѣ тоже, потомъ при повтореніи только нѣсколько ускореніе, а потомъ при самомъ ускоренномъ темпѣ (бѣшенномъ), взявшись рука объ руку по-переменно мужчина и дама, въ кругъ, дѣлаютъ *tour de mains*. Принимъ такой. (*tempo moderato*):

Als der Grossvater die Grossmutter nahm tra-la-la.

Когда дѣдушка женился на бабушкѣ, тра-ла-ла.

Da war der Grossvater ein Bräutigam, tra-la-la.

То дѣдушка былъ тогда женихомъ, тра-ла-ла

Очень веселый танецъ и много при томъ смѣху. Тоже танцовали и по-пури, галопадъ и проч. По окончаніи танцевъ, приглашаются гости къ столу, установленному бутылками пива и разнообразными бутербродами: съ колбасою, телятиной, ветчиною, сыромъ голландскимъ, зеленымъ, икрой, всякому по желанію. Обыкновенно и торты или другое домашнее пирожное. Становится и бутылочка или двѣ краснаго вина (медокъ), а для стариковъ шпансъ, съ маленькими рюмочками. Угощеніе, какъ видите, не коштовное, и все приготовлено руками заботливой хозяйки, имѣющей свой попечительный глазъ вездѣ и привѣтъ для каждого. Въ помощь ей одна служанка, опрятно одѣтая. Освѣщеніе — салныя свѣчи въ мѣдныхъ подсвѣчникахъ, и на каждомъ щипцы.

Мастеровые, простолюдины и чернорабочіе, преимущественно изъ Великороссіянъ, и тогда, какъ и теперь, проводили праздное время въ грубыхъ удовольствіяхъ, соответствующихъ ихъ неразвитости. Пьяство, развратъ, удалство и буйства характеризуютъ ихъ разгулъ. Кулачный бой тогда еще не строго преслѣдовался и собирались для него въ разныхъ мѣстахъ города, но особенно на площади по Мѣщанской и Бѣлгородской улицамъ, ниже Синагоги. Тутъ составлялись 2 партіи, на одной мастеровые, на другой мѣщане, къ которымъ присоединялись бурсаки, а перѣдко и гимназисты. Начинался бой съ обѣихъ сторонъ мальчишками, затѣмъ, по ихъ устраниеніи, сходились взрослые. Матадоры съ обѣихъ сторонъ отыскиваютъ другъ друга. Бой становится ожесточеннымъ и побѣда клонится то на сторону городскихъ, то на сторону ремесленниковъ, перѣдко кончаясь трагически. Трофеями съ обѣихъ сторонъ, какъ побѣдителей, такъ и побѣжденных, выносятся подбитый глазъ, свороченная скула, перѣдко вывихъ или переломъ руки или ребра. И этому ожесточенному бою не въ силахъ воспрепятствовать тутъ-же присутствующая полиція! Живя по близости этого поля брани, я неоднократно видѣлъ эти кулачные бои.

Извозничьимъ промысломъ до начала 40-хъ годовъ почти исключительно занимались малороссіане и былъ онъ въ весьма незавидномъ состояніи. Элегантныхъ экипажей, дышловыхъ, рессорныхъ пролетокъ, фаэтоновъ, не было тогда и въ поминѣ. Извозники въ довольно ограниченномъ противъ теперешняго количествѣ, становились на Николаевской пл., отъ бульвара до колокольни *), вблизи двѣ и на Павловской пл.; экипажи состояли изъ вышедшихъ теперь изъ употребленія дрожжекъ, вмѣсто рессоръ. Ихъ

*) Бульваръ состоялъ изъ широкой, утрамбованной дороги, окаймленной старыми, толстыми деревьями (липами) на томъ-же мѣстѣ, гдѣ въ послѣдствіи трудами полиціймейстера Прожанскаго въ 70-хъ годахъ устроенъ теперешній скверъ. Желая расширить площадь, деревья эти срубили и временно сломали колокольню Николаевской церкви, которая выдвинутая особнякомъ далеко на площадь, закрывала и безобразила видъ.

можно сравнить съ бѣговыми, только со спинкою и съ козлами. На эти-то дрожки, запряженные парю, коренною въ оглобли подъ простою дугою и пристяжною, пассажиръ садился (конечно, мужчина) верхомъ, а дамы бокомъ обѣ бокомъ, свѣсивъ ноги. За совершеннымъ отсутствіемъ въ Харьковѣ мостовыхъ съ грѣхомъ по-поламъ можно было добраться до мѣста. Назойливость и грубость тогдашнихъ извозчиковъ превосходили всякое сравненіе. При подзываніи извозчика вы часто рисковали попасть подъ колеса со всѣхъ сторонъ васъ окружившихъ извозничьихъ экипажей и только силою могли завладѣть выбраннымъ вами экипажемъ. Остальные извозчики начинали корить вашего, бранить его непечатными словами, сопровождая все это насмѣшками надъ пассажиромъ. Другое вамъ горе, когда предварительно не договоритесь съ извозникомъ о цѣнѣ за проѣздъ: при расплатѣ надѣлаетъ онъ вамъ много непріятностей. Таксы въ то время еще не существовало. Полиція, конечно, входила въ разбирательство вашей жалобы, васъ удовлетворяя, при васъ-же сажая виновнаго подъ арестъ, но черезъ 1/2 часа вы могли его встрѣтить снова на биржѣ, и поднимающаго васъ-же на смѣхъ: „А что-молъ взялъ ты, такой-сякой“? Случалось, конечно, что, глядя по жалобнику, полиція задавала извознику и лунку на всѣ боки. Съ тридцатыхъ уже годовъ мало-по-малу начали появляться на биржахъ русскіе извозчики, а въ 40-хъ годахъ овладѣли этимъ промысломъ. Стали появляться и лучшіе лошади и упряжь, стоячіе рессоры, и сами извозчики стали принимать приличный видъ.

Лошадные извозчики завелись въ Харьковѣ вмѣстѣ съ торговлею, но крупная лошадь и возовъ по 50 пуд. на одну лошадь, какъ теперь, кромѣ развѣ собственныхъ купеческихъ, не было. Большая тяжесть на одну лошадь не превышала 25 пудовъ. Какъ они, такъ и троешники становились на постоянные дворы, которыхъ въ Харьковѣ имѣлось не мало, особенно на Рыбной улицѣ и за Харьковомъ, по Московской, Старо-Московской и по Конной.

Постоялые дворы никогда не пустовали, и особенно во время ярмарокъ; на иныхъ дворахъ помѣщалось до сотни троекъ. Привозили и увозили товары; другіе, въ накрытыхъ будкою повозкахъ, перевозили пассажировъ до мѣста. Желѣзная дорога сильно ограничила эти промыслы. Дворники въ Харьковѣ до этого времени обогатились и многіе изъ нихъ вышли въ купцы или содержатели трактирныхъ заведеній. Вѣзда на почтовыхъ или съ троешниками, на простыхъ телѣгахъ, съ сидѣнемъ на задней оси, была страшно безпокойная: просто, душу вытрясешь, пока доѣдешь до станціи, особенно если не затаишь животъ ремнемъ или, особенно, нарочно для этого продаваемымъ набрюшникомъ. Не даромъ-же прежнимъ курьерамъ срокъ для выслуги полной пенсіи назначенъ былъ 10 лѣтъ.

Товары съ юга въ Харьковѣ привозились на волахъ чумаками, несчетными во время ярмарокъ обозами. Сократился теперь и этотъ промыселъ. Не слышно уже стало про украинскихъ чумаковъ-хозяевъ, изъ которыхъ одинъ снаряжалъ собственный обозъ, состоящій изъ 50—100 паръ рослыхъ, черноморскихъ воловъ въ ременной упряжи, каждый возъ укрытый цѣльною кожей (юфтою), передняя пара съ вызолоченными рогами.

До эмансипаціи крестьянъ, у дворянъ, разумѣется, была своя прислуга изъ крѣпостныхъ и въ количествѣ болѣе, чѣмъ теперь, наемной и даже больше, чѣмъ нужно. Имѣлись дворецкіе, повара съ поваренками, гучеръ съ форрейторами и конюхи, лакей и выездные лакеи и казачки, камердинеры, кухарки для людей, прачки, швеи, горничныя, фрейлины, поломойки, полотеры, швейцары и разсылные. Въ аристократическихъ домахъ весь штатъ находился налицо, иногда еще метрдотель, буфетчикъ и парикмахеръ. Такихъ семействъ въ Харьковѣ было немного; но за приѣзжающими на время, особенно на зиму поразвѣдывая, слѣдовалъ цѣлый караванъ въ коляскахъ съ гувернерами, гувернантками, банниками, въ бричкахъ и другихъ рыдванахъ, съ прислугою, и цѣлый обозъ съ провизіею подъ наблюденіемъ повара. Помѣщики съ меньшими средствами тоже не

слишком ограничивали число прислуги. Теперь как-то это все изменилось; притомъ и экипажи стали дѣлаться легче, исчезли прежнія громадныя кареты, на высочайшихъ рессорахъ, съ высокими козлами и занятками для двухъ лакеевъ, а сверху важемъ, а на мѣсто ихъ явились маленькія двумѣстныя или четырехмѣстныя кареты: дошли по опыту, что и аристократы не тяжелѣе нашего брата, бѣднаго дворянина, и потому можно замѣнить шестерики и четверки въ простежъ съ форрейторами.

Наемная прислуга въ то время, въ 20-хъ и 30-хъ годахъ, была для хозяевъ не разорительна. Большинство ея были крѣпостные, за излишествомъ отпущенные на оброкъ; нанимались позже и изъ государственныхъ крестьянъ ближайшихъ селеній и мѣщане. Цѣны были тогда за мужскую прислугу на хозяйской одеждѣ и обуви отъ 5—10—15 руб. въ годъ, а женской, также на хозяйской одеждѣ и обуви, отъ 50 коп. до 4 р. и 6 р. въ годъ, по возрасту, а на своей одеждѣ взрослымъ платилось вдвое.

Во времена оны полиція уполномочена была большими правами, выразившимися часто въ произволѣ. Она была не только исполнительная, но и административная и отчасти, помимо существовавшихъ судебныхъ инстанцій, судебная власть. Разбору ея подлежали все жалобы хозяевъ на прислугу, всякаго рода обиды, нарушенія устава благочинія, несоблюденія предписанныхъ порядковъ по сохраненію чистоты дворовъ, улицъ, площадей, базаровъ, лавокъ, особенно съ съѣстными припасами и прочихъ санитарныхъ мѣръ, при участіи уѣзднаго врача (въ 20-хъ годахъ Шабановъ; членъ санитарный онъ былъ исправный; всякій день можно было его видѣть сидящаго на складномъ стулѣ предъ погребомъ Ковалева или Костюрина и испытывавшаго качества винъ). Какой обширный кругъ дѣйствій, подумаешь, и какая власть! Но, къ сожалѣнію, слишкомъ идеальные порядки приводили-бы въ беспорядокъ карманы полицейскихъ чиновъ, начиная съ полиціймейстера, 3-хъ частныхъ приставовъ, квартальныхъ, до послѣдняго будочника. Строго слѣдили они, даже строже нежели теперь, за всеми малѣйшими безпорядками, и виновный никогда не оставался безъ должнаго взысканія—въ карманѣ полицейскій, а онъ широкъ и глубокъ,—а не то арестъ или тѣлесное наказаніе. Слово полиція всякаго ужасало; каждый, при напоминаніи о ней, трепеталъ и умолялъ: „только не въ полицію“. Какъ легко въ то время было человѣку вліятельному подвергнуть оштрафованію полиціею всякаго не вліятельнаго человѣка—можно видѣть изъ слѣдующаго случая. Одной русской модисткѣ изъ мѣщанокъ, вошедшей тогда (въ 30-хъ годахъ) въ славу, супруга одного высокостоящаго лица хотѣла заказать балыный нарядъ на предстоящій на слѣдующій день балъ. Модистка отказала ей по причинѣ имѣвшагося уже большаго числа заказовъ. Эту обиду дама, считавшая себя выше многихъ заказщицъ, не могла равнодушно снести: передала объ этомъ необыкновенномъ казусѣ услужливому полиціймейстеру съ требованіемъ взыскать за такую дерзость примѣрно. И послѣдовало примѣрное взысканіе. Заставили модистку мести мостовую. Она покорилась, и въ этомъ занятіи, съ метлою въ рукахъ, видѣли ее проходящія и пробѣгающіе, хорошо ее знавшіе,—въ шелковомъ платьѣ, модной шляпѣ. Съ удивленіемъ спрашивали ее, называя по имени и отчеству, о причинѣ. Она, ничуть не огорченная, со смѣхомъ рассказывала; рассказала тоже и одному человѣку, весьма вліятельному, который и посѣдѣлъ убѣдить даму, ради могущаго быть скандала, отмѣнить это наказаніе, на что она съ трудомъ согласилась. Купечество и все торгующіе на базарахъ были данниками полиціи. Къ праздникамъ и ко дню ангела его благородія или высокоблагородія, кладовая ихъ наполняется головами сахара, фунтами чая, винами, ромомъ и всякимъ инымъ прочимъ добромъ. О провизіи и говорить нечего: тамъ на базарѣ непрерывный текущій счетъ. Ремесленники не осмѣливались брать деньги за заказанную его благородіемъ работу. Все это дѣлалось изъ чести и съ благодарностію за принятый гостинецъ. Отъ откупа, въ число текущихъ расходовъ, выводилось въ книгу и количество водки, назначенной полиціи, по степени занимаемой

должности. Домохозяйства также не забывали къ большимъ праздникамъ го-
стинецъ полицейскимъ. И все было хорошо, гладко и исправно. Никто не
обижался и не жаловался. Многихъ служившихъ тогда по полиціи и раз-
богатѣвшихъ всѣми правдами и неправдами, я зналъ, но называть ихъ—
никому не принесетъ пользы и притомъ, по латинской поговоркѣ: „De ab-
sentibus et mortuis aut bene, aut nihil“. При томъ взятки въ тѣ блаженные
времена брала не одна полиція. Брала административныя власти, брали
служители Оемиды, и какими кушами, чтобы черное облить, а бѣлое
очернить. Богъ имъ прости! А приказные-то, что объ нихъ и говорить! Они
при скудномъ жалованіи своемъ, едва достававшемъ на соль къ хлѣбу, пря-
мо были направлены на вымогательства, и за всякое дѣло безъ застѣн-
чивости торговались, не скрывая притомъ, что даваемымъ имъ приходится
подѣлиться съ столоначальникомъ, съ секретаремъ. Высшее стремленіе кан-
целярскаго гражданскаго палаты было—сдѣлаться изъ столоначальниковъ
приходо-расходникомъ, на которомъ лежитъ обязанность умудриться, изъ
выдаваемыхъ ему отъ казны 300 рублей на канцелярскіе расходы, удоволь-
ствовать гражданскую палату бумагами, чернилами, перьями гусиными,
сургучомъ и прочими принадлежностями; а на это нужно не менѣе 3,000 р.
Свыше штатной суммы расходовать не могли! Умудряйся, какъ знаешь. И
умудряется. Счастливицу благодѣтели купцы со всею готовностію открыва-
ютъ кредитъ до будущаго года, потому что они вполнѣ гарантированы его
положеніемъ и увѣренностію, что на будущій годъ онъ, непремѣнно онъ, а
никто другой изъ столоначальниковъ, будетъ назначенъ надсмотрщикомъ,
а это—должность, на что и губернаторской! Этотъ одинъ годъ вознаградитъ
его за всѣ страданія и лишенія, понесенныя имъ въ теченіи 15, 20-ти лѣт-
ней службы, начиная отъ пѣсца. Зато ужъ въ этотъ одинъ годъ, за выдѣломъ,
кому слѣдуетъ, только плохой надсмотрщикъ не составитъ себѣ обезпеченіе
на всю жизнь—капиталомъ тысячъ въ 30, а не то и цѣлыхъ 50. Всѣ они,
сколько я ихъ знаю, обзавелись домами, помѣстьями и, припѣваячи, дожи-
ваютъ свой вѣкъ; обыкновенно, по окончаніи годичнаго срока, выходятъ въ
отставку, чтобы уступить тепленькое мѣстечко другому счастливцу. За со-
вершеніе купчей и другихъ подобныхъ актовъ, сосчитавъ слѣдующія въ
казну пошлины за гербовую бумагу, за производство, за 40% по суммѣ со-
вершаемаго акта, добавляетъ еще за труды, также глядя по суммѣ, въ ак-
тѣ означенной, съ большей—процента 4, а съ меньшей суммы 6—10%, такъ
что за актъ въ 1,000 р. вы платите ему, кромѣ казенныхъ, еще 100 руб-
лей. Иногда, поторговавшись, вы добьетесь и уступочки. Жаловаться на
нихъ некому. А въ другихъ присутственныхъ мѣстахъ развѣ не брали?
Особенно покойное рекрутское присутствіе: и доктора, и военные приѣмщи-
ки, и другіе члены за одинъ наборъ составляли себѣ капиталы. Секретари
просиливали по десятку лѣтъ на мѣстѣ и ни одно дѣло не миновало ихъ
рукъ. И служба въ консисторіи хороша. Не говоря уже о дани духовныхъ
лицъ, и свѣтскіе просители безъ взятки могли цѣлые мѣсяцы бѣгать за
выдачею имъ метрическихъ справокъ и проч. Да кто въ тѣ времена бла-
женныя не брали? Развѣ тотъ, кто не хотѣлъ или кому совѣсть не дозво-
ляла, а такихъ людей въ то время было мало и надъ ними издѣвались и
преслѣдовали ихъ, какъ людей вредныхъ.

Народный кредитъ, для всѣхъ сословій, въ строгомъ смыслѣ, не суще-
ствовалъ. Было, какъ извѣстно, два правительственныхъ учрежденія: одно
для дворянъ-помѣщиковъ—Приказъ Обществ. Признанія, выдававшій ссуды
подъ залогъ населенныхъ имѣній, другое—Коммерческій банкъ для купцовъ
по векселямъ за двумя поручителями.

Въ Приказѣ Общ. Призн. въ 1851 году случился такой казусъ: Предѣ-
тельствующій въ Приказѣ Колоколовъ нѣсколько дней не является въ
присутствіе; по справкѣ оказывается, что его и въ городѣ нѣтъ, исчезъ.
Ревизія кассы показываетъ исчезновеніе значительной суммы. Пошли ро-
зыски скрывшагося. Находятъ его, гдѣ-то въ Польшѣ, привозятъ въ Харь-
ковъ и прямо въ острогъ. Денегъ при немъ не оказалось, онъ ихъ проигралъ.

въ карты. Сослали его, а двое дѣтей (онъ былъ вдовъ), сына и дочь, 7—8 лѣтъ, взяла на свое попеченіе одна немолодая дама, жившая въ домѣ и на-блюдавшая за хозяйствомъ. При этомъ заключили въ тюрьму бухгалтера, а на недвижимое имущество двухъ неповинныхъ членовъ наложили запре-щеніе, которое недавно только снято.

Тоже и въ Коммерческомъ банкѣ; незадолго предъ его закрытіемъ на-копилось на громадную сумму, свыше милліона, просроченныхъ и безна-дежныхъ векселей евреевъ, купцовъ 1-й гильдіи, исчезнувшихъ вмѣстѣ съ своими поручителями. Здѣсь банкъ, конечно, былъ не причеиъ, онъ дѣй-ствовалъ по правиламъ, открывая кредитъ. Тоже и нѣкоторые помѣщики злоупотребляли своимъ правомъ на получение ссудъ подъ сельскія произведе-нія. Такъ, одинъ заявилъ, что у него 5.000 четвертей маку! Впрочемъ, что-то не слышно, чтобы на помѣщикахъ казна потеряла.

Другія сословія могли только пользоваться частнымъ кредитомъ. Люди денежныя, въ прежнія времена, особенно въ 20-хъ и 30-хъ годахъ и даже позже, знакомымъ лицамъ охотно давали значительныя суммы въ займы подъ вексель или подъ залогъ недвижимаго имущества и 0% не превышала законныхъ 60%. Рѣдки были тогда случаи несостоятельности.

Сколько мнѣ помнится, въ 30-хъ годахъ въ Харьковѣ былъ только одинъ маклеръ Клейменовъ; въ его конторѣ свидѣтельствовались денежные доку-менты. Подъ ручныя залоги: золота, серебра и другихъ цѣнностей, шубы, платья и другихъ вещей оказывали кредитъ на короткіе сроки, обыкновенно на мѣсяцъ, ростовщики, которые особенно въ 30-хъ годахъ размно-жились; подъ золото и серебро они брали отъ 3—5% въ мѣсяцъ, а подъ шубы, платья, отъ 5—10%.

Изъ врачей того времени вольнопрактикующихъ большинство были профессора университета: Яковъ Николаевичъ Громовъ—1825. Блюменталь—1828. Акушеры: Ганъ—1837, Штруве—1840, Эксбладтъ—1826, Брандейсъ—1829. Операторы: Ванцети—1834, Грубе, Ив. Осиповичъ, Калининченко—1835, Федоръ Карловичъ Альбрехтъ—1840. Иванъ Николаевичъ Райпольскій—1825. Изъ вольнопрактикующихъ: Малиновичъ, Крюгеръ. Бывшіе ординаторы кли-никъ: Владиславъ Андреевичъ Франковскій, Францъ Ивановичъ Герревинъ, Григорій Семеновичъ Рындовскій, Леоновъ, Дударевъ, Цициринъ, въ 30-хъ годахъ. Всѣ они пользовались большою практикою.

Аптеки: 1) На Московской Кронгардтъ, перешла въ 1830 къ Ф. А. Шперкъ, въ 1835 К. К. Дорандтъ въ 1842 г. къ Эйзелеру, теперь Кохъ; 2) на Сумской противъ театра, Нейбейсеръ, купилъ и перевелъ въ домъ Куликова Сартисонъ 1833 года; 3) за Лопанью, на Рождественскомъ переулкѣ, д. Рогожина, Фидлеръ Г. Г., переведена имъ 1829 г. на Екатеринославскую въ свой домъ, 1835 г. купилъ ее О. К. Фрейндлингъ и послѣ смерти его, въ 1862 г., пе-решла по наслѣдству къ его племяннику А. Я. Егореву; 4) въ 1828 г. за Харьковскимъ мостомъ, Нельдихенъ, вдова его вышла въ 1835 г. за Ольден-боргера, онъ продалъ аптеку П. Я. Гроссгелму, этотъ Фоссу, Дамрову, и т. д. 5) въ 1840 г. на Павловской площади открыта аптека мадамъ Вин-терфельдъ, у зятя ея профес. Ходнева, купилъ Кириловъ, продалъ Ланину. Магалинъ аптекарскихъ товаровъ въ 1832 г. Деллъ В. Ф. и Шперкъ К., въ 1840 перешолъ къ К. К. Дорандтъ, въ 1842 къ Эйзелеру, въ 50-хъ къ Шмаль-цену, а въ 60-хъ къ Нечипоренко, теперь Груздева.

Акушерки: Анна Карловна Винтерфельдъ до 1830 г., прослужила болѣе 30 лѣтъ при акушерской клиникѣ и еще теперь практикуетъ. Она наслы-шала, что въ теченіи своей долголѣтней практики приняла свыше 30,000 младенцевъ. Лѣтъ 10 назадъ она еще была очень бодра и весьма энерги-чна. Мадамъ Гейдеманъ практиковала также съ 30-хъ до 60-хъ годовъ. Дру-гихъ, менѣе извѣстныхъ, акушеровъ того времени не припомню. Могу только утвердительно сказать, что было не болѣе 2—3. Простолюдины обращались болѣе къ простымъ повивальнымъ бабкамъ.

Дантисты: Гейдеманъ, мужъ акушерки, еще съ 20-хъ годовъ считался на службѣ въ Институтѣ благородныхъ дѣвицъ и до 38 года считался еди-

ственнымъ въ Харьковѣ. Съ этого вѣмени до 50-хъ годовъ конкурировалъ съ нимъ Краузе, бывшій до того фокусникомъ, разѣзжавшимъ по Россіи, Турціи и Персіи со своимъ кабинетомъ, представляя замѣчательно искусство разные физико-химико-магическіе фокусы.

Больница въ Харьковѣ съ 20-хъ годовъ, до открытія городской Александровской, кромѣ клиникъ, была одна: Приказа Общественнаго Призрѣнія и помѣщалась на Сабуровой дачѣ. Дача эта пожертвована городу прежнимъ ея владѣльцемъ генераломъ Сабуровымъ, съ цѣлью устройства дома умалишенныхъ. Изъ числа служившихъ при этомъ заведеніи помню съ 30-хъ годовъ главнаго доктора Серебрякова, аптекаря Нельдихена, съ 20-хъ годовъ. Въ 30-хъ годахъ поступилъ туда аптекаремъ Надлеръ, прослужившій тамъ болѣе 40 лѣтъ.

Военный госпиталь въ 20-хъ годахъ помѣщался за городомъ, направо отъ Змѣвской дороги; смотрителемъ былъ тогда Аничковъ; аптекою управлялъ Ф. И. Масловскій.

Ветеринаровъ до 40-хъ годовъ замѣняли коновалы, выходцы изъ подъ московныхъ губерній, обвѣшанные висащими на кожанномъ поясѣ различными орудіями своего ремесла, какъ то: ланцетами, молотками, ножами, треугольниками, щетками и пр.; они являлись во всеоружіи на базары и конную ярмарку, становили насосы, пускали кровь, чистили горло, ставили промывательницы, гдѣ нужно и гдѣ не нужно, и особенно усердно набивались своими услугами крестьянину, оглаживая его клячу и убѣждая въ необходимости операціи.

Изъ эпидемій, посѣщавшихъ Харьковъ особенно памятна первая холера 1830 года, которой посвящается особая статья. Но ужасный бичъ этотъ вносилъ дѣйстви въ 1847, 48, 53, 55, 66, 71, 72 годахъ карать жителей города.

Крупъ, скарлатина, корь, тифы ежегодно, по временамъ и оспа тоже не мало поубавили число жителей. Сифилисъ до 30-хъ годовъ встрѣчался изрѣдка и развитіе его предотвращалось осмотрами. Вообще же нужно замѣтить, что въ 20-хъ и 30-хъ годахъ общее состояніе народнаго здравія было удовлетворительнѣе временъ позднѣйшихъ, что приписываю преимущественно образу жизни, именно нескуденности жителей по дворамъ, болѣе питательной (по дешевизнѣ) пищи, не столь изнуряющимъ работамъ и другимъ, болѣе, чѣмъ теперь, благоприятствующимъ условіямъ. Объ эпизоотіяхъ, собственно въ городѣ въ тѣ времена, и долго послѣ, что-то не было слышно.

Изъ пожаровъ особенно памятенъ пожаръ на Чугуевѣ, въ за-Харьковской части, по Конной ул.; на второй день Свѣтлаго праздника 1832 года истребившій 276 дворовъ, преимущественно бѣднѣйшихъ владѣльцевъ. Въ 1833 г. сгорѣлъ осенью обжорный рядъ на Павловской площади ниже университетскихъ зданій и обсерваторіи. На его мѣсто построили черныя лавки съ мыломъ, детемъ, льномъ и онѣ сгорѣли въ 1836 г. и вновь построены.

Градобитіе было въ 1836 г. 20 іюля, когда выпавшій градъ въ голубиное яйцо побилъ всѣ стекла съ надвѣтреной стороны. Еще сильнѣйшее въ 1851 г. 1 мая, градины величиною въ куриное яйцо. На другой день стекло поднялось страшно въ цѣбѣ, но положенной ген.-губ. Кокоткинѣмъ таксою и закупленнымъ для казенныхъ заведеній въ Полтавѣ стекломъ обуздано стремленіе купцовъ извлекать пользу изъ общаго бѣдствія.

Наводненія низменныхъ частей города при весеннемъ половодіи были ежегодно; но особенно сильныя отмѣчены на угляхъ домовъ и заборовъ красною краскою. Отмѣтки и теперь во многихъ мѣстахъ сохранились.

Что стремленіе къ образованію уже въ 20-хъ годахъ проникло въ общество, доказываетъ масса учебно-воспитательныхъ заведеній въ Харьковѣ въ то время существовавшихъ, какъ для мужскаго, такъ и для женскаго пола. Кромѣ университета и губернской гимназіи съ пансіономъ и уѣзднаго училища, существовали слѣдующіе частные пансіоны: мужскіе: проф. Робушъ, въ домѣ теперешней синагоги, для дѣтей аристократіи, Роберти за Лопанью на Благовѣщенской; Ольденбургера; Е. А. Зимницкаго, учителя

математики уѣзд. уч. Въ этомъ пансіонѣ воспитывались преимущественно дѣти купцовъ, большинство учениковъ приходящіе; К. И. Побель Духовное вѣдомство имѣло высшимъ учебнымъ заведеніемъ Коллегіумъ, впоследствии переименованный въ семинарію и въ 40-хъ годахъ переведенный изъ прежняго помѣщенія своего при Покровскомъ монастырѣ во вновь выстроенное на Холодной горѣ зданіе семинарское. Бурса гдѣ и нынѣ. Военное вѣдомство имѣло школу кантонистовъ въ 30-хъ годахъ въ городскомъ деревянномъ домѣ на Рымарской улицѣ, прежде губернаторской квартирѣ (до 20-хъ годовъ). Школа переведена въ Чугуевъ. На этомъ мѣстѣ воздвигнуто зданіе Марининской женской гимназіи. Изъ женскихъ учебныхъ заведеній тогда существовало въ 20-хъ годахъ Институтъ благородныхъ дѣвицъ въ деревянныхъ зданіяхъ, гдѣ теперь Александровская больница; въ 1839 году переведенъ въ новопо-строенный домъ на Сумской. Частныхъ пансіоновъ и школъ не много: мадамъ Прела (бывшая Делавина) на Ключковской улицѣ, потомъ въ этомъ домѣ съ 40-хъ годовъ пансіонъ Сокальской, а съ 70-хъ годовъ пансіонъ Филиппъ. Е. Вирихъ въ домѣ Тараканова, Коваленко, Мартелли, А. И. Нателъ, перешедшій къ дочери ея Н. И. фонъ-Меттеркамъ. В. А. Черняевой, въ 20-хъ годахъ школа, а съ 30-хъ пансіонъ. А. В. Еврепновой, Ивановой. Школъ частныхъ, какъ женскихъ, такъ и мужскихъ, также не малое число. Учители 20-хъ и 30-хъ годовъ—музыки: Барсикій, Андреевъ, Шульцъ (въ 40-хъ год.), Стадлеръ, Бертольдъ (въ 40-хъ годахъ). Танцевъ: Аландеръ, Строчкій. Рисованія: Альенштедтъ, Фласбергеръ. Французскаго языка: Мессонъ, Русселе, Мишеле, Оливари, Гаспаръ. Нѣмецкаго языка: Ольденборгеръ, Нѣмкинь, Минде, Редеръ, Габерландъ. Объ учителяхъ наукъ тѣхъ время, какъ и о профессорахъ университета, слишкомъ много можно бы написать и потребовало бы особой статьи. Дальнѣйшія свѣдѣнія о нихъ можно найти въ архивахъ университета и 1-й гимназіи.

Помнятся только нѣкоторые курьезы почтенныхъ наставниковъ,—напримѣръ, съ 20-хъ годовъ былъ лекторъ французскаго языка Паки-де-Сувины; было ему лѣтъ подъ 60, худощавый, ростомъ 2 арш. 12 верш.; выступалъ прямо, какъ аршинъ проглотилъ, величаво и медленно. Вздумалъ онъ жениться и по публикаціи его въ парижскихъ газетахъ о желаніи въ соотечественницѣ найти подругу жизни, на вызовъ его пріѣзжаетъ алчущая любовью много лѣтъ M-le Laure, росту не полныхъ 1 $\frac{1}{2}$ аршина, съ предлиннымъ сгорбленнымъ носомъ. Обрядъ вѣчанія русское духовенство,—католическаго еще не было въ Харьковѣ,—не соглашалось совершить, но одинъ догадливый батюшка, чтобы не упустить предложенный хорошій кушъ,—согласился, поставивъ ихъ въ парѣ, прочитавъ молебенъ о здравіи его Н. Сувины и дѣвицы Лавры. Изъ всего молебна они только и поняли нѣсколько разъ повторенныя ихъ имена и были вполне довольны и съ благодарностью приняли поздравленія батюшки и пожеланія имъ добраго здоровья. Любо было видѣть эту вполне другъ-другомъ довольную, счастливую чету. Трогательно даже было видѣть ихъ торжественно шествующихъ по улицамъ всегда подъ ручку, она въ широчайшей италіанской соломенной шляпѣ, освѣняющей ея улыбающуюся сладостно физиономію, вмѣсто мантили окутанную турецкою пестрою шалью, связанной на шеѣ маленькимъ платочкомъ. Она быстро семенила маленькими ножками и подпрыгивала, чтобы посѣть за журавлинымъ шагомъ своего супруга, съ гордостью выстунающаго въ жилетѣ, сшитомъ собственными руками его *chère Laure* изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ, вродѣ старинныхъ одѣялъ, и даже лѣтомъ окутаннаго шерстянымъ шарфомъ, вызваннымъ несравненной подругой жизни. Счастливицы!

На кафедрѣ онъ однажды, рассказывая юношамъ о своемъ *chère patrie*, вздумалъ доказывать разницу въ оцѣнкѣ заслугъ человека *en France et en Russie*. Въ послѣдней она, по его мнѣнію, выказывается чинами, а не личнымъ достоинствомъ. *En Russie*, говоритъ онъ, уже по наружному виду, осанкѣ и тону можно догадаться о высокомъ или маломъ чинѣ каждаго человека. Это свое мнѣніе онъ начинаетъ доказывать такъ: сначала начинаетъ говорить самымъ тихимъ, униженнымъ голосомъ, въ тоже время едва поднимая изъ

за кафедры голову,—это губернский *secrétaire*. Затѣмъ голосъ нѣсколько повышается, голова приподнимается—коллежскій *secrétaire*; титулярный совѣтникъ, коллежскій ассессоръ изображается такъ, что онъ привстаетъ и поднимаетъ на нѣсколько нотъ голосъ, затѣмъ онъ встаетъ, подымаетъ голову, выпрямляется, все повышая голосъ, постепенно при статскомъ совѣтникѣ и дѣйствительномъ статскомъ; наконецъ, тайный совѣтникъ задираетъ голову совсѣмъ назадъ и произносится названіе этого чина самымъ грубымъ, повелительнымъ голосомъ. Каждый чинъ аккомпанируется подобающей ему миною подобострастія или горделиваго сознанія своего достоинства. Одного онъ только не могъ себѣ, до самого выхода въ отставку, объяснить, почему всякій разъ, когда онъ входилъ въ аудиторію, заставлялъ онъ на доскѣ мѣломъ нарисованную свинью съ задравшимъ въ крендель хвостомъ—и благо ему! Однажды студентъ ему объяснилъ это, какъ наглядное объясненіе лекціи зоологіи, и онъ удовлетворился этимъ.

Расскажу вамъ еще примѣръ необычайной разсѣянности. Было у насъ два профессора: Константинъ Павловичъ Павловичъ и профессоръ математики Павловскій (сочинитель таблицъ логарифмовъ). Конст. Павл., разсердившись на своего лакея (крѣпостнаго), проситъ экзекутора университетскаго Анадольскаго прислать солдатъ высѣчь его лакея. Тотъ далъ слово и не откладывая отдалъ унтеръ-офицеру приказаніе, отправиться съ двумя солдатами, запасшись розгами, къ профессору Павловичу, и произвести экзекуцію. Унтеръ-офицеръ, не дослышавъ, является къ Павловскому. Лакей ему докладываетъ о приходѣ солдата изъ университета. Хорошо, говоритъ, пусть войдетъ въ кабинетъ. Не отрываясь отъ занятія выслушиваетъ онъ унтеръ-офицера о томъ, что по просьбѣ его, будто-бы, экзекуторъ Анадольскій приказалъ наказать его лакея „такъ гдѣ прикажете, на конюшнѣ?“—„Да, да, хорошо.—„А гдѣ онъ?“—„Кто?“—„Лакей“. Да тамъ въ передней. „Слушаюсь!“ И повели раба Божьяго, ничѣмъ не повиннаго, въ конюшню, и не принимая въ резонъ увѣренія въ его невинности, прописали ему достаточную порцію. Такъ дѣло и обошлось, пока черезъ нѣсколько дней Конст. Павловичъ Павловичъ, встрѣтивъ Анадольскаго, упрекнулъ его въ несдержаніи слова. Призвали унтеръ-офицера.—Ты ходилъ куда я тебя посылалъ—Какъ-же-съ, Ваше Высокоблагородіе.—„И исполнилъ?“—Точно-такъ-съ. Да куда ты ходилъ? спрашиваетъ Павловичъ. „На песокъ, къ профессору Павловскому, и исполнилъ въ точности приказаніе“.—Тутъ только разъяснилась ошибка.

Ст. Сов. Ф. О. Рейнгардтъ.